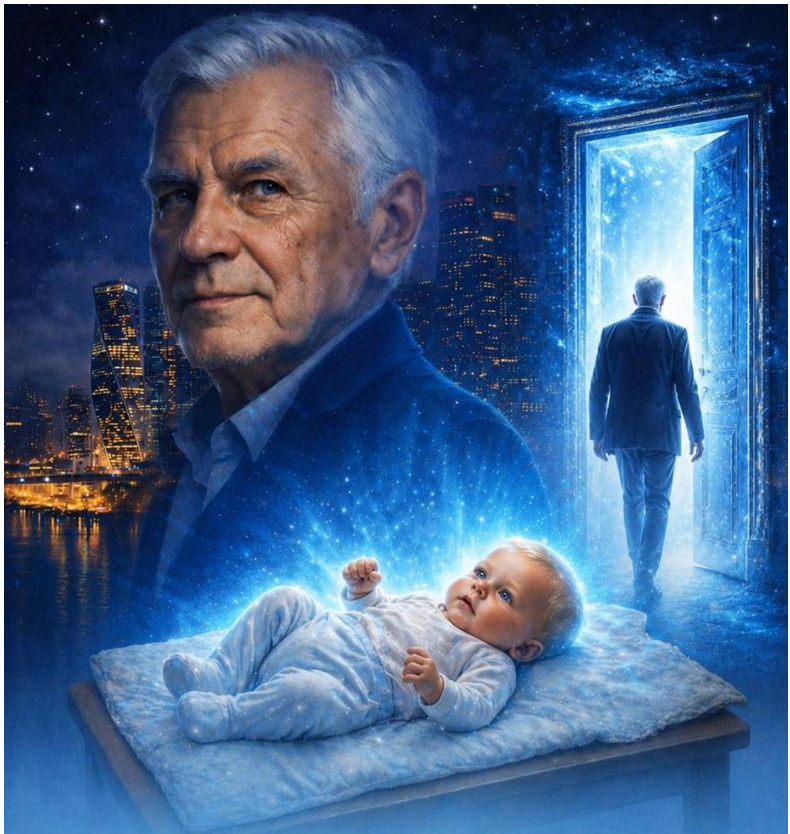




Сергей Шангин
СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Младенец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

3

18+

Сергей Шангин

3. Союз нерушимый. Младенец

<https://litres.ru/74566962>

SelfPub; 2026

Аннотация

Попытки достучаться до руководства страны, предупреждая о надвигающихся катастрофах в области авиации, космоса и жизни Киева, привели к тому, что за головой Кассандры началась охота. События закручиваются в тугую спираль, которая грозит распрямиться в самый неожиданный момент, возможно, создав новые опасности для самого Лёши и его семьи.

Капризная магия подводит в самый неподходящий момент, следовательно наступает на пятки, чекисты плодят версии, всё ближе подходя к опасному знанию, что причиной всех бед может быть не взрослый человек, а некий малыш, странным образом оказывающийся каждый раз в неподходящем для него месте.

Содержание

Аннотация	4
Мировое господство	5
Не верь никому	20
Ведьма ин виво	37
Цугцванг Кассандры	70
Неожиданный поворот	93
Тайны ушедшего	111
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Сергей Шангин

3. Союз нерушимый.

Младенец

Аннотация

Попытки достучаться до руководства страны, предупреждая о надвигающихся катастрофах в области авиации, космоса и жизни Киева, привели к тому, что за головой Кассандры началась охота. События закручиваются в тугую спираль, которая грозит распрямиться в самый неожиданный момент, возможно, создав новые опасности для самого Лёши и его семьи.

Капризная магия подводит в самый неподходящий момент, следовательно наступает на пятки, чекисты плодят версии, всё ближе подходя к опасному знанию, что причиной всех бед может быть не взрослый человек, а некий малыш, странным образом оказывающийся каждый раз в неподходящем для него месте.

Мировое господство

Суббота, 11.03.1961, ясли, Светлогорск

Я крут, я мегакрут, у меня получилось! Через тернии к звёздам! Идущие на казнь приветствуют тебя... нет, это из другой оперы. Я не гладиатор, а обычный младенец, решивший сложнейшую стратегическую задачу по управлению миром. Без ядерных бомб, без ракет, без угроз и шантажа. Теория шести рукопожатий сработала в полной мере, обеспечив оперативный простор для моих грандиозных планов.

Голос Аньки вырвал из блуждания в хрустальных сферах радостных фантазий, заставив вспомнить, ради чего меня вытянули из кроватки и опустили на пол. Ничего космического, всё абсолютно приземлённое, если говорить о магии в советском обществе. Кремы. Я заряжаю кремы на продажу. Их купят благодарные клиентки, и мы получим деньги, чтобы жить стало лучше, жить стало веселее. Здесь и сейчас, а не через тридцать лет. Никакой политики, только бизнес.

– Лёша, уже можно забирать сумку? – шёпотом, прогремевшим для меня раскатами грома, спросила Анька, заметив, что я на какое-то время застыл без движения, выпав из процесса производства. – Не уснул?

– Нет, не уснул, – недовольно буркнул я, злясь, что мысли прерваны на самом интересном месте. – Потерпи, сейчас закончу, – проворчал я, убавив градус недовольства, понимая,

нет Аниной вины в том, что только что произошло в кабинете начальника управления КГБ.

Не может она знать и тем более прочувствовать величие произошедшего в том кабинете. Я предложил председателю КГБ СССР стать моим подельником... упс, опять на уголовщину всякую тянет... стать проводником глобальных перемен в советском обществе и он, как бы странно это ни прозвучало, не отказался с ходу. Более того, если я верно прочитал его эмоции, был несказанно рад столь щедрому предложению от загадочной Кассандры.

Думаю, для него было шоковым откровением способность кого-то захватывать сознание другого человека и говорить через него, оставаясь недоступным для самых продвинутых сыщиков. Ни малейшей зацепки, чтобы вычислить собеседника и вытащить его из норки. Никаких способов вычислить по косвенным признакам. Джеймс Бонд нервно курит в сторонке, надеясь, что легендарная МИ-6 сумеет хоть что-то противопоставить новой угрозе.

– Ты как-то скажи, что можно тебя возвращать обратно в кроватку, а то девки уже оглядываются на меня подозрительно, что я тут около тебя застряла, – попросила нянька осторожно, не оставляя надежды вернуть меня к трудовому процессу.

Для неё это первая операция такого рода, она всего опасается, а тут главное действующее лицо уснуло в процессе подготовки товара, заставив её сидеть и маяться беспокойством.

И отойти не может, младенец на полу, а это непорядок.

– Забирай, готово, – разрешил я, зарядив последнюю баночку.

Уф-ф-ф, не такая уж и сложная работа, но сил и энергии отнимает много, чувствуется опустошённость, будто смену в забое отпахал. Организм начнёт восполнять потери, но для этого требуются пища, покой и время. Так что ждём обеда и спокойно рассуждаем о перспективах, неожиданно ярко запыхавших после откровенной беседы Шелепина с Кассандрой.

Если бы несколько часов тому назад кто-то пошутил, что младенец может управлять миром, я бы с ним вместе повеселился, но прямо сейчас меня охватил неудержимый зуд – нужно срочно принять решение, как безукоризненно выстроить беседу с Шелепиным. Для него возможность встать в один ряд, ну, почти в один, с самим Хрущёвым – шанс, выпадающий раз за всю жизнь, да ещё и не каждому.

Он должен, нет, просто обязан согласиться стать моим голосом, голосом Кассандры, у него нет других вариантов, потому что ни при каких раскладах его сыщики меня не найдут, а вот я их могу уничтожить. Пусть и потеряю навсегда свою магию, но избавлю семью от всех желающих протянуть к ней свои жадные загребушие лапы. Выжгу на корню, не заморачиваясь на кровавый террор.

Уф-ф-ф, Лёха, выдохни и прекрати генерировать страшилки. Всё ведь прошло хорошо, гладко, как по маслу – по-

пала птичка в сети, быть ей моим проводником, а там... Повторим трюк с протянутой рукой, потому что Никита Сергеевич мнит себя парнем из народа, потому обязательно поведётся на простоту, пожав в ответ руку Шелепина. Знать, что говорит, с кем общается, что собирается делать председатель КГБ СССР – это здорово, но, собираясь как-то влиять на судьбу целой страны, нужно сразу брать под контроль и самого её хозяина, иначе получится долгий путь в дюнах без конкретного результата.

Да, Никита Сергеевич может принять на ура мои предложения по избавлению страны от очевидных проблем. И всякого рода катастрофы в этом процессе не играют особой роли. Катастрофы пусть и трагичны, но это капля в море в сравнении со стратегическим направлением деятельности партии. Точнее, с катастрофически неправильным курсом партии, курсом, ведущим к развалу СССР.

Сколько раз ни произноси с высоких трибун, что коммунизм не за горами, сам по себе он не построятся, потому что, как верно писал Ленин, для смены любого строя нужны объективные предпосылки. А их пока, к моему великому сожалению, попросту не наблюдается. Есть многократно повторяемая мантра про непрерывные успехи, перевыполнение планов и общесоюзное человеческое счастье, выражаемое в абсолютном одобрении линии партии.

Но счастье это нарисовано где-то в тёмных закутках Политбюро идеологами, считающими, что сытый и довольный

советский человек не будет строить коммунизм. Он расслабится, захочет ещё более полного удовлетворения своих всё возрастающих потребностей, невзирая на то, что закрома Родины пусты. А как им наполняться, если для этого мало быть идеологически подкованным, нужно ещё и работать постоянно, качественно, с перспективой на будущее, а не отбывать фишку, получая зарплату за время, проведённое на рабочем месте.

Корневой вопрос – кто является владельцем средств производства? Народ? А это кто? Пальцем ткните! Ау, народ! Нет никого, поэтому и слышим, как приговор линии партии – всё вокруг народное, всё вокруг ничьё! Никто не станет заботиться о соседской корове так, как о своей, потому что она чужая. И пусть хозяин тебе за уход именно за этой коровой деньги платит, а она всё одно чужая, ей можно и сена не доложить, и вымя не помыть перед дойкой.

Не могут средства производства принадлежать никому, у них должен быть конкретный хозяин, который будет с их помощью обеспечивать себя достатком, а остальной народ востребованным товаром. И не будет он делать то, что никому не нужно только потому, что кто-то, сидя в Москве, решил, что народу нужно именно это. А сам народ в то же самое время, обходя советские магазины стороной, ищет то, что сшито, сделано, построено привлекательно, надёжно, современно, с учётом веяний времени.

Отдай ты средства производства в руки народа, но не все-

го, а конкретных лиц, имеющих деловую хватку, нужные знания, целеустремлённость и желание работать хорошо. Не капиталисту, не буржую, а такому же рабочему или крестьянину, который за это самое право кровь проливал в революцию и Гражданскую войну. Но нет, нельзя, потому что марксизм запрещает! Средства производства обязаны принадлежать государству! Точка. Точнее, тупик. Голимая идеология и фанатичная уверенность, что железной рукой и матом можно загнать советского человека в коммунизм, как бы странно он при этом не выглядел.

Так и живём, пребывая в твёрдой уверенности, что советское, значит, лучшее, жадно поглядывая за бугор и сглатывая слюну от вожделения. Страна хочет полноценно питаться, видеть полки магазинов, заполненные дефицитным товаром, покупать машины и прочую технику, не ожидая этой возможности годами, а получает коммунизм на горизонте и ухудшение жизни год за годом. И как тут говорить о необходимости изменения мировоззрения советского человека, чтобы в нём прорастали зёрна веры в коммунистическое будущее?

Главный вопрос – а захочет ли Хрущёв идти путём радикальных перемен? Не начнёт ли он играть с предсказаниями, используя их для смещения неудобных, опасных для его положения лиц? Не получит ли жёсткое противодействие в самом Политбюро, натолкнувшись на неприятие перемен в лице того же Суслова?

Нет надежды на дорогого Никиту Сергеевича, он вещь в себе, шкатулка с сюрпризами, разгребать которые придётся долго и нудно. Поэтому брать под контроль, подсовывать решения, выверенные временем, принуждать Хрущёва к действиям, которые нужны стране, а не ему лично. И в первую очередь мне нужна встреча с президентом Америки.

В июне 1961 года Никита Хрущёв и Джон Кеннеди встретятся в Вене. Именно там они должны крепко пожать друг другу руки, чтобы я смог как-то влиять на политику США, минуя политические барьеры, вбивая осиновый кол в сердце извечной вражды между Америкой и СССР изнутри Капитолийского холма. Джон Кеннеди не должен погибнуть в 1963 году, это достаточно прогрессивный президент, хотя и послушно исполняющий волю финансового кукловода. Уже сейчас он запускает инициативу «Союз ради прогресса», начиная активную оккупацию мирными средствами стран Латинской Америки. Нужно подправить их действия так, чтобы и СССР включился активно в этот процесс.

Не вижу в этом ничего сложного, если Никита Сергеевич совершит ряд визитов в Латинскую Америку, передав им привет от мальчика Лёши из маленького уральского городка Светлогорска. Нет, не на словах, обычным рукопожатием, но это гораздо весомее любых слов в деле укрепления сотрудничества между нашими странами.

Кстати, встреча советского лидера с американским президентом состоится в Европе! Что мешает Никите Сергееви-

чу переговорить накоротке с лидерами Франции, Германии, Австрии, Италии и, главное, Швейцарии. Нужно брать Европу за вымя, как говорил Остап Бендер, за её научное, промышленное и финансовое вымя, если быть совершенно точным. Остальные страны пойдут в русле политики ведущих держав Европы.

Не забыть, если представится такая возможность, зацепить и Великобританию через действующего премьер-министра. Хотя допустимо ухватить за лапку любого из тех, кто близок к британскому истеблишменту, чтобы через него распространить своё влияние на всю английскую власть, включая и королевскую семейку, когда-то отжавшую российские сокровища и кинувшую собственного родича на съедение коммунистам. Так что придётся вернуть золотишко, господа, больно, обидно, но придётся, оно нам самим пригодится. И будет это актом доброй воли со стороны Великобритании в знак признания ведущей роли Советского Союза в победе над гитлеровской Германией.

Чтобы не повторилось венгерское восстание 1956 года, нужно срочно упорядочивать отношения с государствами Варшавского блока. Зная первопричину, проще купировать проблемы, устраняя не только их инициаторов, но и сами предпосылки. Хотя здесь нужно решить сперва глобальную проблему, мешающую развитию социализма как в самом СССР, так и в странах, решивших идти по тому же пути.

Ну, как решивших? Был ли у них другой вариант? Нет, не

было, потому что возродить капитализм в освобождённых странах Сталин не собирался ни под каким соусом, ни полностью, ни частично. Рассчитывать на лояльность освобождённых из-под пяты захватчиков «друзей» откровенно было плохой идеей. Поэтому коммунисты взяли власть в свои руки и повели свои народы по пути, предначертанному Марксом и Лениным. В светлое будущее, которое по факту существенно отставало по уровню достатка от загнивающего капитализма.

Нужны основы рыночной экономики, которые прозорливо планировал Иосиф Виссарионович, рассуждая, почему социализм, лишённый возможности обогащения трудящихся через их собственный плодотворный труд, морально устарел и требует капитальной перестройки, включающей в том числе и устранение партии с поста управленца. Нужно передать власть из рук партийцев тем, кто реально участвует в развитии страны, а не болтает об этом, ничего не делая, но присваивая при этом плоды трудов всех прочих.

В той же Чехословакии причины вторжения войск Варшавского договора в Прагу кардинально отличались от венгерского сценария. Была попытка ослабить идеологические тиски, дать свободу мелкому предпринимательству, не меняя при этом отношений со странами социалистического лагеря. Успешное внедрение этой новации на практике доказало бы, что идеология хромает на все четыре ноги, нуждается в корректировке. Но идеологи переломили ситуацию че-

рез колено, отправив вместо переговорщиков танки. Нельзя упустить момент, нужно заставить страны социалистического блока дружно перестраиваться на общее благо.

Но не забывать присматривать, кто именно стоит за этими переменами, чтобы следом не произошло раскола из-за откровенной ангажированности новой прогрессивной власти к Штатам или Лондону, извечным врагам всего русского. Перемены переменам рознь великая. Если делают послабления идеологии в части собственников средств производства, нужно подавать это, как достижение именно социалистического пути развития, а не отката к капитализму. Слишком быстро люди забывают, кому обязаны всеми войнами мира, что стоит за миллионами смертей, поэтому нужно постоянно напоминать им об этом: с фактами, свидетелями, подробными объяснениями.

Китай. Через колено, любым способом, но заставить Хрущёва встретиться с Мао, не дожидаясь, пока ему на смену придёт Хуа Гофэн. Слишком долго Китай будет бродить во мраке псевдокоммунистических идей, активно расправляясь с собственным народом. Нужны положительные тенденции, общий путь, создание дружественного государства прямо сейчас, а не трудный путь к взаимоуважению через воинственное отрицание. Получив доступ к Мао, можно критически изменить внутреннюю политику Китая, создав предпосылки для начала его экономического взлёта.

Нам нужны китайцы – неприхотливые, послушные, трудо-

любивые, многочисленные. Вместо труда заключённых использовать китайских крестьян, попутно ассимилируя их, мало-помалу размывая границы между СССР и Китаем, создавая новое единое государство, чтобы исключить любое противоборство между нами в будущем и влияние американцев на Китай.

Дожать Японию, подписать с ними мирный договор, чтобы лишить их принципиальной возможности претендовать на Северные территории, отошедшие к СССР по результатам Второй мировой войны. Зная, как рванёт вверх экономика Японии, вовремя втянуть её в орбиту своих интересов, используя дешёвые ресурсы в обмен на строительство японских заводов на Дальнем Востоке. Связать экономики двух стран настолько, чтобы американцы локти кусали от досады, не имея возможности как-то влиять на политику нашего восточного соседа.

С Кореей решать вопрос сразу же, не отходя от кассы — одна страна, один путь, один руководитель. Не социализм и не капитализм, что-то среднее, но эффективное, чтобы и их экономика рванула вверх ракетой. Не нужны нам нахлебники, которых нужно постоянно кормить, нужен богатый, успешный и лояльный к нам сосед, готовый сотрудничать с нами по любым вопросам, понимающий все выгоды такого сотрудничества.

Если этот план будет выполнен, можно спокойно выдохнуть, перестать переживать по поводу растущей мировой на-

пряжённости, резко сократить расходы на вооружения, прекратить клепать тысячами новые танки, самолёты и ракеты. Достаточно иметь базовый набор современного вооружения и гарантию доставки ядерных зарядов в любую точку планеты, чтобы забыть о гонке вооружений на долгие годы.

А это деньги! Огромные деньги, которые можно со спокойной душой направить на строительство новых заводов и оснащение сельского хозяйства передовыми технологиями. Деньги, нужные для искоренения дефицита, высвобождения времени и сил советского человека на строительство того самого коммунизма. Есть сейчас здоровая основа общества – чистые душой люди, воспитанные на примерах героев войны и труда. Нельзя потерять этот задел, нужно использовать его во благо стране, а не опасаться, как бы чего не вышло.

Боже, как я жду этой встречи! Как же мне не терпится поговорить с Александром Николаевичем, чтобы сподвигнуть его максимально быстро вернуться в Москву и немедленно встретиться с хозяином, заключив его в братские объятия. Ну, хотя бы крепко пожав руку, чтобы мой гениальный план начал претворяться в жизнь!

Сколько времени? Почему в палате не висят часы? Несколько часов, с обязательными подписями стран, чтобы знать, где и какое время в настоящий момент. Властелину мира нужно знать, когда ключевые фигуры бодрствуют и полны сил для новых свершений, а когда спят беспробудно, бесполезно тратя время, данное Богом... то есть мной для

новых свершений на благо народов всей Земли!

Эй, подать сюда Ляпкина-Тяпкина... или хоть кого-то с часами на руках! Мне нужно собираться в гости, а я выпал из времени, лишённый элементарных условий для руководителя такого ранга. Ни личного кабинета, ни секретарши, ни кофе в постель, ни... кстати, кушать хочется, а ажиотажа не видно. Это я так проголодался от предвкушения перемен или время пролетело незаметно, и я пропустил обед?

Нет! Война войной, а обед по расписанию! Чёрт, как же уныло тянется время, когда ты прикован к постели, словно тяжелобольной. О, какое-то шевеление в палате, няньки засуетились, забегали, вкусненьким запахло! Что у нас на обед? Фуагра, паштет из гусиной печени, крабы или омары? Каша? Манная? Ну, тоже неплохо! Вот построим коммунизм, тогда в каждой люльке будут и омары с крабами, и икра с трюфелями! А пока кушать и... нет, не спать, потому что подопечных, как тараканов запечных, не к столу будет сказано, за каждым нужен присмотр и догляд!

Так что же получается? Если у меня в кулаке будет весь мир, как я один с ним справлюсь? Это же десятки, а то и сотни мировых лидеров, глав государств, политиков! Нет, не справлюсь, придётся кого-то подключать к управлению миром. Кого-то имеющего статус абсолютно проверенного и закалённого в боях человека! Осталось убедить Нинку, что это очень важно, в том числе и для нашего бизнеса – мы ведь тогда сможем торговать кремами на мировом уровне! А это

совсем другие деньги!

– Так, Бардин, тебя велено доставить на обед к заведующей, – голос Любы звучит торжественно, словно меня приглашают в королевский дворец.

– Бу, – отвечаю неопределённо, но не пытаюсь сбежать, потому что ключевое слово «обед» звучит многообещающе.

Странно, что на этот раз никакой маскировки, не трое разом, а только я. Страх потеряла или какая-то новая причуда? Стоит уже начать волноваться или лучше настраиваться на лучшее? Вот нельзя было сперва покормить, а потом разговоры разговаривать? Там Шелепин вот-вот совещание со своими волкодавами начнёт, а Нинке приспичило со мной пообщаться в приватной обстановке.

– Вот и таскай его туда-сюда, как торбу писанную, – жаловалась по пути Люба. – Клавка припёрлась, тоже мне праздник! На кой чёрт вам Бардин сдался? Соскучилась? Или хочет, чтобы её обратно взяли? А карапуз тут для чего?

Клавка? Ей что нужно, чего она припёрлась, кто её звал? Судьба мира, можно сказать, на кону, некогда мне решать мелкие житейские вопросы. По уму нужна мне отдельная палата с вышколенным персоналом, обслуживающим важную персону по щелчку пальцев на самом высоком уровне. И охрана! Десяток серьёзных парней в чёрных костюмах, с пушками и рациями, чтобы никто не смог покуситься на тело властелина мира. А тут первая попавшаяся под руку заведующей нянька тягает меня из кровати и таранит, как мешок

картошки по коридору, на ходу спотыкаясь и теряя тапки.

Слава те, Господи, добрались без проблем и смертоубийства, вошли без стука, сдали груз, то есть меня на ответственное хранение. И кому молчим? Кому глазки строим, Нина? Или не Нина? Эй, скажи уже хоть что-то, не нужно так молчать и смотреть на меня остекленевшим взглядом! Клава? Зачем ты держишь её за руку? Только не говори, что...

– Ну, здравствуй, касатик, – говорит Нинка странным, не характерным для неё скрипучим голосом. – Вот и свиделись! А ты иди, девка, иди себе подобиру-поздорову, не для твоих ушей разговор!

Не верь никому

Суббота, 11.03.1961, два часа дня, кабинет полковника Папутина, КГБ, Светлогорск

Шелепин не торопил своих людей, понимая, что их подгонять нет необходимости. Каждый знает своё дело лучше него и сделает всё необходимое, чтобы найти хотя бы следы, ведущие к Кассандре. Но двух часов дня он ждал с большим нетерпением, как бы странно это не выглядело для человека, практически лишённого обычных эмоций.

Он умел и готов был ждать результата, отдавая приказы подчинённым, вот только на этот раз задача была такого уровня, что озвучить её хоть кому-то из тех, кого он знал, было бы смертельным номером. Имея дело с человеком, способным взять под контроль кого угодно, нужно на семь раз подстраховаться, чтобы не попасть в расставленные им ловушки.

Полковник был совершенно прав – все события методично вели его к тому, чтобы однажды оказаться в этом городишке, о существовании которого он и не подозревал, хотя и обладал практически энциклопедической памятью. Кассандре был нужен он или любой другой человек, находящийся на этой или подобной этой должности, чтобы приблизиться к Хрущёву. Без лишней скромности он считал себя идеальной кандидатурой, и это ложилось ещё одним плюсиком

в корзину странных познаний Кассандры. Она не целилась в кого-то из членов Политбюро, её не интересовал министр внутренних дел или кто-то из учёных, бывших на короткой ноге с Никитой Сергеевичем.

Для её целей подходил только он. Идеально. И она просчитала это, расставив события на шахматной доске времени таким образом, чтобы он попал в её ловушку. Анонимками зашла сверху, сразу обратив на себя внимание знанием того, о чём никому знать не положено. Для начала напустила тумана, кинув первое письмо через Москву, поставив их перед фактом – найти человека в таком огромном городе невозможно.

Затем произвела кровавую демонстрацию своих возможностей, поставив точку в череде крайне странных событий, объяснить которые наука не в состоянии. Следом обозначила для Москвы место своего пребывания, чтобы направить все силы в эту точку. А уже здесь, имея перед собой нужного человека, сделала ему предложение, совершенно игнорируя тот факт, что за всё, содеянное ранее, ей светит высшая мера наказания.

Циничная, наглая, дерзкая и хорошо продуманная тварь, отлично знающая, как управлять людьми в своих интересах. Опасный противник. Очень опасный. Не потому, что умеет убивать. А потому, что умеет заставлять делать нужные ей выводы. Денег ей не нужно? Власть ей неинтересна? Ага. Плавали, знаем, чем такое донкихотство заканчивается. Се-

годня ты поможешь ей встретиться с Хрущёвым, а завтра она о нас обоих ноги вытрет, найдя кандидатов, которые её больше устраивают.

С такими людьми нужно играть на опережение, поступать так, чтобы они не могли предугадать твои действия, показывать им полную готовность к сотрудничеству, тщательно выбирая при этом место, в которое можно будет всадить нож. Только дай слабину, и она тебя сожрёт, ни разу не подавившись, – дёрнув губой, с досадой подумал Шелепин. – Но мы тебе такого шанса не дадим, Кассандра!

Двери кабинета открылись ровно в два часа, никто не задерживался и не опаздывал. Раз назначено на два часа, будь любезен прибыть вовремя, иначе, какой из тебя профессионал? Шелепин дождался, когда каждый займёт место за столом и будет готов слушать.

– Прошу доложить о готовности ваших людей к работе, товарищи, – приказал Шелепин, стараясь держать эмоции под контролем. – Михаил Иванович, начнём с вас!

– Наружка готова к работе. Выставил людей на ключевых направлениях: школа, ясли, дворец пионеров, дом, в котором живёт учительница. К сожалению, нет возможности перекрыть все возможные направления, не Москва, людей не хватает. Как вы и просили, Александр Николаевич, местных не привлекаем.

– Какие-то результаты есть? – поинтересовался Шелепин с видимым безразличием.

– Пока ничем порадовать не могу, но и не все агенты отпартовали о своей работе. Сами понимаете, не могут они бегать челноком между объектом и управлением, – развёл руками сыщик.

– Алексей Юрьевич, что у вас?

– Показали фотографии Кувшиновой, Бардиной и нескольких других людям, которые могли видеть отправителя анонимок у почтовых ящиков. Двое уверенно опознали Кувшинову. Запомнилась тем, что не сразу бросила письмо в ящик, а зачем-то стояла неподалёку, постоянно оглядываясь, словно боялась слежки. На наше счастье эти двое раньше служили в лагерной охране, глаз намётанный на всякие странности, у них там от этого порой жизнь зависела. Так что да, Кувшинова совершенно точно отправляла письма.

– Алексей Юрьевич, согласитесь, она вполне могла отправить какие-то свои письма, – уточнил Шелепин, внутренне радуясь хоть какой-то зацепке. – К тому же она мертва, нам её не допросить.

– Ехать на другой край города, чтобы отправить какое-то обычное письмо? – хмыкнул Мишутин. – Очень странное для девушки поведение. Так поступают, если не хотят, чтобы тебя опознали потом и никак не связали точку отправки с местом жительства или работы. И первое, и второе находятся далеко. Да и не ведут себя при этом так, словно собираются ограбить сберкассу, а она была насторожена, чего-то боялась, кинула письмо в ящик и ушла быстро, почти бегом.

Согласитесь, так может поступить только человек, который отправляет что-то очень опасное для себя.

– Хорошо, будем считать, отправителя писем мы знаем, – согласился Шелепин. – Но что это нам даёт с точки зрения поиска автора этих писем?

– Так может уже некого искать, Александр Николаевич? Насколько я знаю, больше отправлений не было, значит...

– Автор жив, если вы намекаете, что Кувшинова могла им быть, – отрезал Шелепин. – Девушка, судя по её биографии, не могла быть автором: слишком простая, не имеющая нужных знаний. Она всего лишь инструмент Кассандры.

– Как думаете, Алексей Юрьевич, что связывает Кувшинову с Бардиной?

– Вы считаете, их что-то связывает?

– По мнению полковника Пашутина автором писем является Бардина. Да, бездоказательное утверждение, основанное исключительно на косвенных уликах, тем не менее не стоит отбрасывать это мнение. Один человек пишет, другой отправляет. Если это так, между ними должна быть прочная связь!

– К сожалению, подтвердить это нечем, Александр Николаевич. Со слов нянечек родители крайне редко контактируют с персоналом, у них всё, как на конвейере: принесли, раздели, осмотрели и до свидания. И это всё на виду, особо не переговоришь, тем более по секрету.

– Что же, будем иметь это в виду. Дмитрий Сергеевич, что

раскопали ваши люди?

– Мы проверили все факты, заявленные полковником Пашутиным, и нашли им полное подтверждение, как бы странно это не прозвучало. Но только на словах, никаких вещественных доказательств нет. Из фактов только странная история в кабинете и факты приёма на работу в ГУВД бывших бандеровцев. Не хочу комментировать, но к этому приложил руку сам начальник управления, биография которого вызывает большие вопросы. Также подтвердились факты финансовых махинаций, в которых приняли непосредственное участие все, погибшие в том кабинете. Тайник на квартире Rogozy был только цветочками, на даче первого секретаря обнаружено тайное хранилище, содержащее денег и материальных ценностей на порядок больше. Единственный, по кому не удалось зафиксировать деньги, председатель горисполкома. Предположительно, подстраховался, спрятал свои сокровища где-то вне дома.

– И что это нам даёт, Дмитрий Сергеевич? Некто с комплексом Робин Гуда решил жестоко наказать расхитителей социалистической собственности?

– Нечто подобное приходит на ум, хотя логичнее было бы написать точно такую же анонимку куда-то в область или в местное КГБ, чтобы за этих хапуг взялись всерьёз, – подумав, ответил полковник Панкратов. – Но, если следовать логике Пашутина, такой вариант не устраивал Кассандру, её нужен был громкий эксцесс, о котором гарантированно до-

ложат в Москву.

– Услышал вас, Дмитрий Сергеевич, – кивнул Шелепин и глянул на главного аналитика. – Станислав Петрович, что у вас? Есть какие-то выводы, гипотезы, вопросы?

– Вопросов масса, потому что ситуация, если говорить честно, крайне неординарная, Александр Николаевич. Первое, что меня сразу смутило, нас попытались навести на вариант с мнимым резидентом, который попадал под формальный портрет, составленный нашим управлением на основании анализа анонимных посланий. Создалось ощущение, что кто-то целенаправленно искал подходящего человека, чтобы мы заглотили эту наживку не поморщившись.

– Но ни мы, ни наши коллеги этого не сделали, – уточнил Шелепин.

– Совершенно правильно, Александр Николаевич, и вот тут возникает первый вопрос: откуда Кассандра знала о существовании этого портрета? Ну, не может она быть одновременно повсюду, хотя по нашим же выводам, имеет доступ к совершенно секретной информации. Но портрет! Микроскопический факт, о котором знало не так уж и много людей. С другой стороны, мы отправили эту информацию в Светлогорск, чтобы они со своей стороны приложили усилия к поиску подобного человека.

– Хотите сказать, Станислав Петрович, Кассандра может работать в местном управлении КГБ или иметь контакт с кем-то из местных сотрудников?

– Да, именно так и никак иначе, хотя сразу же возникает и следующий вопрос: почему информацию о мнимом резиденте пытался подsunуть следователь прокуратуры, не имеющий к КГБ никакого отношения? Он не мог даже теоретически знать о существовании этого портрета, потому что это не входит в его служебные обязанности, но он не просто знал, но и настойчиво подталкивал нас к тому, чтобы признать этого погибшего библиотекаря резидентом вражеской разведки.

– Я правильно понимаю, Станислав Петрович, что вы подводите нас к мысли об утечке информации из местного управления и последующем внушении следователю прокуратуры этой сомнительной идеи?

– Именно так, Александр Николаевич, – согласно кивнул аналитик. – Течёт здесь у них, как из дырявого ведра, – посоветовал он, разведя руками. – А вот по поводу внушения могу сказать однозначно – высококлассная работа, человек не просто знал о том, что нужно сказать, но и не мог никак отказать от этой идеи, хотя и объяснить, почему он думает именно так, не смог. Если Кассандра владеет такими способностями, это очень опасный соперник.

– Мы тоже не плюшевые зайчики, – изобразив подобие лёгкой усмешки, ответил Шелепин. – Мне нужны любые следы, любые факты, любые, пусть и кажущиеся абсурдными сплетни, ведущие нас к Кассандре. Не может человек, обладающий такими способностями, долго оставаться в тени, –

убеждённо заявил он. – Постарайтесь напрячь людей, чтобы расширяли круг поиска, не отбрасывали никаких сведений, подробно отражая в рапортах всю полученную в ходе разговоров или слежки информацию.

– Александр Николаевич, позвольте? – вскинулся после слов Шелепина подполковник Глазырин, краса и гордость МУРа.

– Слушаю вас, Михаил Иванович, – кивнул Шелепин, почувствовав неожиданный огонёк азарта в душе.

– Не обратил на это внимания, откинул, как досужие сплетни, но, раз уж требуется доводить до сведения всё, могу кое-что сообщить, – сказал Глазырин, спешно перекладывая листочки с рапортами. – Вот оно, – он окинул текст взглядом, затем рассказал. – Наш человек совершенно случайно встретился с девушкой, которую недавно уволили из тех самых яслей, куда наша учительница отдаёт своего сына.

– И что же она вам рассказал интересного? – насторожился Шелепин.

– Зачитаю, как в рапорте написано, – предупредил подполковник. – Не смотри, что пьяная посреди дня. Выперли меня из яслей, а работу пока не нашла, вот и шляюсь целыми днями, как тварь подзаборная. Раньше-то я хорошо жила, пока этот гадёныш мне всю жизнь не испортил. Мы с девками думали, нам деньги с неба упали, когда бабке моей его какашки и писяшки таскать стали. Зачем? Дык он же весь из себя волшебный, гад такой! Бабка говорит, слабый ещё,

вырастет, в силу войдёт, тогда вообще золотым станет, но с худой скотины хоть шерсти клок! Она из этих самых какашек снадобья готовит, людей лечит, эвона как! Мы с девками уже губу раскатали, что себе купим в следующем месяце, а он, козёл, потребовал, чтобы мы его мамке половину отдавали! Не, ну, прикинь, мы тут паримся, все в поту, а он только полёживает и ему за это половину отдай! Мы его послали, конечно! Будет нами всякая малявка командовать! Только этот сучий потрох нас к стенке прижал, начал такое дерьмо гнать, что у людей глаза на лоб полезли! Говорит, не будет по-моему, не будет никак и ни у кого! И вот кто он после этого? Гад ползучий! Я и хотела его утащить к бабке, чтоб ни с кем не делиться, а они мне засаду устроили, сучки крашенные! Кто? Нинка с Анькой, да заведующая! С ножом к горлу пристали, увольняйся и все дела! Ну, куда деваться? Уволилась, только и им теперь хрен, а не денежка, никому их какашки теперь не нужны, пусть ими подавятся!

Подполковник замолчал, поглядывая на Шелепина, ожидая его реакции на историю.

– Волшебный, говорите, малыш? – не спеша давать оценку, спросил Шелепин.

– Со слов бывшей няньки, – уточнил Глазырин. – У полковника Пашутина есть интересный списочек, который он в своё время запросил в милиции – перечень всех ведьм, гадалок, экстрасенсов, целителей, практикующих в городе. Естественно, незаконно, но с этой бедой смирились – кому хо-

чется заблуждаться, пусть отдаёт деньги шарлатанам. Будет прецедент, тогда бы их взяли с поличным, а так пусть живут. Так вот, в списке есть та самая бабка, со слов свидетелей лечит людей всякими снадобьями и заговорами. Так что откровенного вранья в этой истории нет. А вот волшебный тот младенец или нет, никто не скажет. Пытались местные их разговорить, молчат, как рыбы.

– Нинка, как я понимаю, это Кувшинова? – уточнил Шелепин. – Она мертва, но есть два пока что живых свидетеля, которых вполне можно допросить, попросив подтвердить или опровергнуть слова вашего свидетеля под протокол, – то ли рассуждал, то ли отдавал приказ он. – Младенец всё время всплывает в самых разных случаях, нужно понять, какую роль он во всём этом играет, – стукнув ладошкой по столу, сделал вывод председатель КГБ. – Сам по себе он такой особый или благодаря способностям матери? Если вспомнить показания свидетелей по делу об убийстве в кабинете начальника управления, то ничего особенного не происходило, пока не появился младенец. Если быть точным, пока мать не воссоединилась с ребёнком.

В кабинете повисла вязкая тишина. Никто не решался высказаться, потому что в их жизни было многое: странное, ужасное, кровавое и отвратительное, но никогда в деле в качестве подозреваемого не фигурировал младенец. Что он может в свои восемь месяцев? Агу-агу и пачкать пелёнки? Да, уже ползать и даже делать попытки ходить, но что это

значит с точки зрения криминала? Ничего! Мистика. Воссо-единение матери и ребёнка порождает что-то ужасное! Уме-реть не встать!

— Товарищи, я не призываю вас признавать мою версию верной, но и отбросить такие факты мы не можем, — пра-вильно истолковав всеобщее молчание, уточнил Шелепин. — Есть многое на свете, что не может пока объяснить наука. Но нам известны достоверные факты о результатах работы немецких учёных в совершенно секретной службе Аненер-бе. Они не чурались самых странных способностей, исследуя всё подряд, пытаясь поставить это на службу гитлеровской Германии. Так что и мы не будем ничего отбрасывать, пока не убедимся, что нам подсовывают откровенную дезинфор-мацию. На текущий момент у нас есть зацепка — странный младенец, который говорит! Обратите внимание, уже второй свидетель утверждает, что этот самый малыш не просто го-ворит, а делает это вполне осознанно, будто он взрослый че-ловек. Как такое возможно? Я не знаю, но вам предстоит это выяснить, товарищи! Времени крайне мало, жду ваших до-кладов к пяти вечера, потому что в шесть у меня крайне важ-ная встреча.

Офицеры озадаченно переглянулись. За пару часов нужно определить, на что способен странный малыш и как на его способности влияет мать. Называется, пойдя туда, не знаю куда, найди то, не знаю что! Если науке это неизвестно, как обычный человек может дать ответы на такие вопросы? С

другой стороны, приказы не обсуждают, начальству виднее, что и как делать. Аненербе какой-то, мистика, тайны. Чаще всего мистику начинают приплетать, когда расследование заходит в тупик. Но не будешь же об этом говорить Шелепину? Поэтому встали и пошли работать, заставляя своих людей выворачиваться наизнанку ради чужого каприза.

Оставшись один в пустом кабинете, Шелепин сбросил маску сурового равнодушия, позволив себе вырваться эмоциям на волю. Он с чувством стукнул кулаком по столу, глубоко вдохнул и резко выдохнул. Догадка сверлила мозг тупым сверлом. Он. Теперь у Шелепина не было ни грамма сомнения, что Кассандра – мужчина, по крайней мере мужского пола. Он сказал про Кувшинову: она была моим другом, боевым товарищем.

Если сама Кувшинова не могла сочинить подобные анонимки, кто-то, с кем она активно общалась, мог ей надиктовать текст. Судя по предосторожности, с которой она отправляла письма, их содержание было ей известно. Кассандра был связан с ней напрямую, без посредников.

Почему не сам написал, отдав готовый конверт? Не хотел или... не мог в силу физической неразвитости. Младенцы вряд ли умеют писать. А это означает, что Кассандра найдена и теперь остаётся осторожно подвести под него сачок, подсечь и посадить в золотую клетку, шантажируя угрозой жизни матери и сестры. Такие идеалисты редко жертвуют близкими, они слишком тонко чувствуют семейные узы, чтобы

пренебречь такой угрозой.

Если этот ребёнок действительно способен подчинять людей, то заставить служить его невозможно. Значит, заставить нужно не его. Нужно сделать так, чтобы он сам решил, будто служить выгоднее. Угрозы близким оставить на крайний случай, когда не подействуют прочие аргументы. Анонимки показали, ему не безразлична судьба своей страны, вот на это и будем давить, убеждая, что он обязан своими способностями служить родине.

Не откажется, не сможет отказаться, будет служить как миленький! Если не сработает, тогда жёсткий вариант – спрятать близких, чтобы он никоим образом не смог дотянуться до них или тех, кто их сторожит, давить угрозой жизни и здоровью. И не таких упёртых ломали, так что и с этим справимся! Как там сказал Михаил Иванович? Нянька хотела выкрасть мальчика, чтобы все его какашки стали её собственностью? Очень смешно! Никто не разглядел в младенце ту самую Кассандру, а он смог!

Ждать шести часов для новой беседы или брать быка за рога, форсируя события? Подождём, – потирая руки, решил Шелепин, – не будем торопиться! Нужно поговорить напоследок, проверить несколько спорных фактов, чтобы не допустить фатальной ошибки. Второго шанса у него не будет, Кассандра не врал, когда обещал проблемы – устранил всех свидетелей, не моргнув глазом. Семейные узы и свобода для таких идеалистов слишком много значат! Ради них он с лёг-

костью пожертвует чужими жизнями, как бы страшно это не прозвучало.

И брать его нужно именно во время разговора, когда он расслаблен, считает себя хорошо спрятавшимся, человеком-невидимкой. И то право, кто подумает на мальчика, что тот может приказывать любому взрослому исполнять его волю? А он может, ещё как может! Идеальный палач, наносящий удар так, что никто и не помыслит на заказчика – всё шито-крыто и никаких свидетелей.

По этой причине подобраться к нему нужно на мягких лапках так, чтобы он даже подумать не мог, что эти люди прибыли по его душу. Нужен кто-то из местных, кто бы исполнил роль проверяющего из РОНО, к примеру. Они ведь проверяют всякие там ясли, садики, школы, так что явление чиновника не будет для них неожиданностью. Рутину, обычное дело, посчитают кровати, матрасы, тарелки, горшки и все дела. В палату зайдут, точно зная, кто им нужен, а там... Жёстко, не оставляя ни малейшего шанса на противодействие, шприц с препаратом, быстрый укол и забирать.

С кем из местных решать вопрос? Пашутин отпадает, он у Кассандры под контролем, значит, он его слушает постоянно. Нужен кто-то помельче, но обладающий не меньшей властью и знаниями местных реалий. Есть же у него заместитель? Должен быть, как без заместителя? Интересен заместитель Кассандре? Скорее всего, нет, потому что есть рыба покрупнее. Вот с ним всё и обсудим, – принял решение

Шелепин.

В пять часов принесут подтверждения моим догадкам, — мысленно прикидывал Шелепин, — будет время подготовиться к беседе. Главное, не спугнуть Кассандру, не дать понять, что я знаю, кто он! Лучше разговаривать о перспективах, о возможностях, торговаться за место под солнцем, словно я по уши погряз в его обещании помочь Союзу построить коммунизм. Он не похож на человека, искушённого в аппаратных играх, легко поведётся на слова о всеобщем благе, а мы приучены болтать об этом часами.

Болтать, пока не получу подтверждение, что операция завершилась успехом, птичка в клетке, я в шоколаде и могу спокойно обдумать вопрос, как лучше эту птичку пристроить к работе на меня. Есть многое на свете, друг Горацио, чего не знают даже мудрецы, — немного перефразировал он Шекспира, думая, какие плюсы даст возможность предугадывать события. Не собирать информацию по крохам, не действовать наугад, трата напрасно время и силы, а бить точно в цель, разрушая коварные замыслы врага. О таком можно было только мечтать, но теперь мечты вот-вот станут реальностью, обыденностью, рутиной.

Так что, Кассандра, нет у тебя ни малейшего шанса вырваться из моих рук. Но ты не переживай, я буду о тебе заботиться, как о... своей собаке! Будешь сыт и на цепи! А что ещё нужно собачке для счастья? Правильно — с азартом исполнять команды хозяина! Но не это греет душу, потому

что на кону стоит гораздо большее – решить вопрос, кто же в стране хозяин? Но с твоей помощью, Кассандра, надеюсь, этот вопрос решим быстро и в мою пользу!

Он посмотрел на часы и поморщился, время текло вязко, секундная стрелка с видимым трудом прыгала с деления на деление, словно делая ему одолжение. Впервые в жизни ему хотелось пришпорить время, чтобы достичь заветной цели как можно быстрее. Он провёл по лицу ладонью, будто стирая суету, приводя мысли в порядок. Всему своё время! Успокойся и подумай о перспективах, о том, какой станет твоя жизнь после того, как ты будешь знать будущее?

Ведьма ин виво

Суббота, 11.03.1961, ясли, Светлогорск

Да что же такое несуразное с Нинкой, что она постоянно встречается во всякие неприятности? То в гаражах её чуть не изнасиловали, то те же бандиты на ножи поставили, жизни лишив, то попала она в тело женщины, которая в два раза её старше, а тут вишенка на торте – бабка Сима решила именно через неё со мной говорить, захватив её сознание целиком и полностью. Врагу такого не пожелаешь, но куда деваться, если даже сбежать самостоятельно из кабинета заведующей не могу? С другой стороны, Нинка под завязку накачана моей энергией, нужно всего лишь...

– Да ты иглы-то не топорщи, малой, – проскрипела ведьма Нинкиным голосом. – Не драться я пришла, а поговорить, – с лёгкой ноткой превосходства сообщила она. – Вижу, потрудился ты славно, умудрился неживое с живым соединить, – похвалила она снисходительно, словно речь шла о без помарок написанных прописях. – В силу войдёшь, с тобой никто не справится, но до того дожить надобно, малый, – в голосе бабки звучала неприкрытая угроза.

Ну-ну, зубы-то не заговаривай, знаем мы таких разговорщиков – ждут, когда противник расслабится, решит, что сегодня точно драки не будет, а в самый неподходящий момент раз и ножик под рёбра. Кому другому охотно поверил бы,

вот только ты, баба Сима, в их число неходишь! Хочешь поговорить? Брысь из Нинки, пока не прихлопнул как таракана тапкой!

Резко взвинчиваю энергетику Нинки, буквально заливаю её фиолетовым сиянием, заставляя вытолкнуть тьму, окутавшую мозг. И тут же получаю встречный удар по мной же созданному каналу: жёсткий, жгучий, хлёсткий, но не убийственный. Ударила, будто от назойливого комара отмахнулась, смотрит на меня с мерзкой ухмылочкой, столь несвойственной Виолетте Николаевне.

– Попробовал? Мал ты ишо со мной на равных тягаться, сопляк! Хотела бы прибить, сдох бы уже давно! Поговорить пришла, дело у меня к тебе важное, не терпящее пока вырастешь, – произнесла ведьма со значением.

– Пока не покинешь Ни... Виолетту Николаевну, не будет никакого разговора, – выдвинул я ультиматум, спешно проверяя, сколько заряженных батареек есть в запасе.

– Нинка стало быть? Ну, так и знала, что свою поделницу в беде не бросишь, – понимающе хмыкнула бабка. – Не по нраву, что твоих товарищей пользую? Понимаю, сама бы не стерпела, в порошок стёрла и пыль по ветру развеяла! Ну, пущай в себя вертается, – разрешила старуха.

Нинка вздрагивает, поводит плечами, с удивлением смотрит на свои руки, будто видит их в первый раз, затем с возмущением смотрит на Клавку, предусмотрительно стоящую в сторонке. Двое дерутся, третий не вступай. Знает Клавка,

что может приключиться с тем, кто попадёт бабке под горячую руку!

– Ты что здесь делаешь, Клавдия? – зло шипит заведующая, впившись в бывшую няньку взглядом. – Мы договорились, чтобы ноги твоей в яслях не было! Хочешь по-плохому? Будет тебе по-плохому! Бумаги в столе лежат, никуда не делись, пушу в ход и пойдёшь по статье в колонию!

Клава попыталась выскочить за дверь, да недалеко ушла, застыла, как столп, развернулась и глянула на нас совсем по-другому – почти равнодушно, изучающим взглядом, полным не смирения, а бесконечного терпения перед глупостью смертных. Ведьмы, они такие ведьмы!

– Охолопись, девка, – с несвойственной Клаве резкостью остановила Нинку бабка, успевшая перескочить в сознание внучки. – Сказано же, поговорить пришла, – убавив гонора, уже больше для Нинки повторила она. – Ты, малой, сам реши, как оно тебе будет лучше – чтобы подельница твоя всё слышала, или побалакаем с глазу на глаз? Не для чужого тот разговор, так что крепко подумай, касатик, нужно ли ей про тебя всё знать?

– Всё? Лёша, а есть что-то, чего я о тебе не знаю? – возмутилась Нинка, переводя взгляд с Клавки на меня и обратно. – Клавка, значит, знает о тебе больше, чем я?

– Тут такое дело, кхе-кхе, Виолетта Николаевна, – не зная, в какой степени тайна воскресения заведующей известна ведьме, шифровался я, – я и сам о себе не всё знаю, так что...

– Ой-ой-ой, прямо куртуазные переживания, – хихикнула старуха. – Нинка, ну, ты ж девка умная, сама должна смекнуть, никто о своей силе на дворе не треплет, чтобы ту силу, а то и саму жизнь не потерять! А ты, малый, за дурочку-то меня не держи, сказала, что вижу, как ты живое с неживым соединил, стало быть вижу, кто в живом присоседился, – резко выговорила она мне. – Прямо, как дети малые! Ну, время бежит, скоро поздно станет разговаривать, потому как моя дурёха сболтнула, чего не след было болтать при чужих ушах!

Ну, а что я теряю, если Нинка узнает обо мне ещё больше? Нам с ней суждено по жизни бок о бок идти, раз уж судьбе было угодно ей из-за меня смерть принять, а мне её в чужое тело засунуть. Не брошу ведь её, а врать да недоговаривать боевому товарищу последнее дело. Так и до предательства дойти может, если между бойцами полного доверия нет.

– Вместе разговаривать будем, – махнул я решительно рукой. – Нет у меня от Нины секретов... теперь, – осторожно добавил я, чтобы показать границу до и после. – Говори, что там Клава сболтнула и кому?

– На танцы моя дурёха побёгла, мужика ей дюже захотелось, аж из трусов выпрыгивала, – хихикнула старуха. – А мне её держать без надобности, девка в самом соку, ей без мужика тяжело, пусть себе бегаёт на танцульки, вдруг какого захудалого в дом притащит. Потешится ночку, а я его потом на фарш проверну, – мерзко захихикала она. – Шутка это, не ем мясного, фигуру берегу, – пуще прежнего захихикала

она. – Ну, чего zenки-то вылупили?

– Ты про Клавкину озабоченность поговорить пришла или шутками глупыми нас порадовать хотела? – нахмурился я, заранее настраиваясь на то, что дальше будет такой же по-рожняк. – Мне это неинтересно! Пусть хоть сторожа пьяного в твой дом тащит, хоть крокодила зелёного, это твои проблемы!

– Ага, мои, да не только мои. Клавка ведь для смелости водки хряпнула, а на танцах её и развезло. Подвалил к ней какой-то ухарь, узнал, что она в этих самых яслях работала, да уволили её и сразу стала ему дюже интересна. Усекаешь, о чём говорю, малый?

– Ты говори, баба Сима, а я подумаю, нужно мне это или пустая брехня, – отмахнулся я, делая вид, что ничего интересного в сказанном для меня нет.

Но как же нет, если есть? О чём станет болтать обиженная пьяная женщина? Естественно, о том, что её уязвило в самую душу – как несправедливо с ней обошлись, хотя она всем приносила только пользу и деньги! Много денег! А кто источник тех денег? Ну, Клавка, ну, дура!

– Вижу, догадался сам, что она сболтнула? – сделала вывод старуха, правильно истолковав затянувшееся молчание. – Выложила, как на духу, что весь ты из себя такой волшебный, что был урод, а стал красавчик, что всё, что из тебя вытекает, целебное и лечебное. А потом и меня приплела до кучи, что я из всего этого дерьма снадобья готовлю и продаю

людям! Вот своей бы рукой прибила дуру, да внучка, чтоб ей пусто стало, – сплюнула от злости ведьма.

– Ну, сболтнула и сболтнула, – не стал впадать в панику я. – Чего только пьяная женщина не придумает, чтобы мужику понравиться!

– Ага-ага, правильно баешь, как по писанному, не малец, а мужик в годах, ежели по твоим рассуждениям судить, – словно бы и намёками, но кидалась фактами ведьма. – Мужичок тот непростой оказался, не местный, чужак. Приехал вот-вот, а уже повсюду шныряет, разговоры заводит, что-то в книжечку записывает. А после Клавкиных откровений мигом к телефону кинулся, докладывать побежал, а собеседника обзывал товарищем полковником. Следишь за мыслью, касатик?

Полковником? Чужак? Явно, не Пашутин, потому что я бы первым о таком узнал. Стало быть, человек москвичей подсуетился. И таких в городе, судя по уровню делегации, много. Рассыпались горохом, ищут зацепки, любые крохи информации, которые могут их вывести на Кассандру. Ловят любые странности, привлекающие внимания настороженного уха. А тут им о необычном младенце рассказывают!

Если я правильно понимаю логику Шелепина, он постарается подыскать веские аргументы, чтобы сделать из меня послушного исполнителя своих замыслов, а не быть в роли бессловесного голоса, несущего все плюшки его хозяину. Не привык он довольствоваться крохами с барского стола, не

тот у него характер, обязательно захочет присвоить приз себе, чтобы с моей помощью пробраться на вершину власти в этой стране. А это значит...

– Есть ещё что-то, о чём я должен знать, – холодно поинтересовался я, даже не думая привлекать старуху к своим планам.

Никогда нам не быть в одной упряжке, зло и добро не могут идти по жизни рука об руку, сражаться плечо к плечу со всем миром. Всегда и повсюду добро противостоит злу, а зло всеми силами искореняет добро, чтобы править в этом мире. Извечная борьба, бесконечная и бессмысленная, потому что нет в ней ни побеждённых, ни победителей, есть только жертвы с обеих сторон и число им легион.

– Помру я скоро, касатик, час мой пришёл, – неожиданно сменила тему старая ведьма. – Сколько годков бегала от смертушки, а и меня она настигла, предупредила, чтобы дела заканчивала, да прибралась за собой, потому как силе моей на тот свет нет хода.

Странно, но как-то сразу поверил. Не врёт. Не ради словца красного сказано. Не для того, чтобы разжалобить и ударить неожиданно в самое сердце. Как-то обыденно сообщила, что помрёт, будто о купленных заранее билетах на поезд. Уезжаю, говорит, а вы тут за котом моим приглядите, да цветы поливать не забывайте. Хотя ни кота, ни цветов я в её квартире не заметил.

– От меня что нужно? Грехи отпустить? Простить, что Ви-

олетту Николаевну сгубила? Что всякие пакости против меня городила?

– Дурак ты, малец, хоть и годков тебе много, – с досадой сплюнула бабка. – Что смотришь, девка? Не знала? Не догадывалась, почему он такой умный, да шустрый? Вот сколько тебе годков, касатик, раз уж у нас такой откровенный разговор вышел? – язвительно осведомилась она, глядя на меня с прищуром.

На слабо берёт? Знает или просто разводит, чтобы сам признался? С другой стороны, ну, узнает она мой настоящий возраст, что это меняет в наших с Нинкой отношениях? Для неё я был засланцем, который в своём мире уже состарился, потом результатом секретного эксперимента военных, непонятно что и как сделавших с младенцем. Так что мой возраст для неё не более, чем отметка в памяти – соответствует или нет её представлениям и ожиданиям.

– Шестьдесят пять исполнилось, – спокойно признался я. – И что из этого?

– А из этого, касатик, следует, что все мы не одну жизнь проживаем, только не каждому дано в новую со своей силой перескочить, – нравоучительно пояснила она. – Но и этому есть предел, сколько ни прыгай, а есть край, после которого всё заканчивается. Ты не такой, как я, есть в тебе душа, а моя давным-давно сгинула за ненужностью. Помру и рассыплюсь в прах, словно и не было меня никогда в этом мире, – вздохнув, призналась старуха.

Странно было слышать подобное из уст цветущей, пышущей здоровьем девушки, но поверил, так тому и быть. Читал в книжках, фантастических, что ведьмы живут долго, очень долго, хотя и платят за это жутким посмертием. Но то ведь фантастические книжки, то есть выдумка досужего писака, считающего себя истинным знатоком всякого рода нечисти. Написал, заинтриговал, заставил кого-то вздрогнуть в ночи, решив, что вся та нечисть вокруг него собирается, и получил ни с чем не сравнимый кайф.

Читал, удивлялся и выкидывал из головы, потому что было чем себя занять более насущным, чем чьи-то бредни, облечённые в лаковую обложку. А это не бредни, а вполне себе суровая реальность в виде практикующей ведьмы, обладающей огромной силой и знаниями, накопленными за долгую жизнь. И чего ей от меня нужно? Чего она ко мне припёрлась в столь не подходящий момент, когда где-то там, в управлении КГБ, сейчас сидит сам председатель КГБ, посланный по мою душу самим Хрущёвым, если я правильно понимаю движущую силу его глубокой заинтересованности в моей поимке.

– Мы с тобой похожи, касатик, стало быть, и силы в нас схожи, – пояснила она. – Не могу я помереть, пока силу свою не передам наследнику! Буду сохнуть, гнить заживо, лежать в постели и гадить под себя, а сдохнуть не смогу, пока сила во мне!

– Клавке передай, она же твоя внучка по крови и духу, –

предложил я, напряжённо думая, принимать ли мне подобный дар.

Что-то я подозрительно доверчив к её словам, будто всю жизнь слышал от бабки Симы правду и только правду. Что она ни скажи, я с готовностью киваю – правду говоришь, бабушка, чистую правду. А ведь это ведьма, для которой обмануть или погубить человека не грех, а рутина, привычное дело. Не обрабатывает ли бабка меня прямо сейчас каким заклятьем, снижая мою подозрительность до нуля, заставляя верить в этот бред про смирение и дружбу?

Не попытка ли это перескочить в следующее тело, чтобы прожить ещё одну жизнь? Кто их ведьм знает, когда они говорят правду, а когда врут безбожно. Может быть, без моего согласия она не может войти в чужой «дом», как это принято у вампиров? А что, если именно поэтому ведьма так старательно добивается моего согласия? Опять-таки так пишут в книжках, а как оно происходит на самом деле, неизвестно никому, потому что, если я правильно понимаю, свидетелей подобного просто не существует.

Займи она моё тело, кто об этом расскажет? Нинка? Так она и минуты лишней не проживёт, случится с ней неожиданный удар или инфаркт настигнет. Клавка? Так они действительно одной крови, чего им враждовать друг с другом? Но почему не Клавка? Её и уговаривать не нужно! Просто делай с ней всё, что хочешь, та и препятствий чинить не будет.

– Потому что дура эта Клавка, – зло сплюнула бабка. – Бестолковая дура, пустышка, ума не имеющая и думать не желающая! Сколько ей талдычила, учись, дурёха, перенимай мастерство, чтобы не жить впроголодь, всё отмахивается, мол мне и зарплаты хватает, – не жалея внучку, клеймила её старуха. – Сколько в дырявое ведро ни лей, оно не наполнится!

– И ты решила, что я тебе подхожу лучше? – язвительно осведомился я, не веря бабке ни на грош. – Молодой, полный сил и умений, прямо готовый сосуд для твоих сил и тебя, – не скрывая сарказма, сказал я. – А меня можно и на помойку за ненужностью выбросить?

– Вот умный ты, касатик, а дурак, – сокрушённо вздохнула старуха. – Говорю же, срок мой вышел, ни в кого не смогу перепрыгнуть, а силу отдать должна! Ну, что сделать, чтобы ты мне поверил?

Чёрт возьми, звучит крайне соблазнительно, но и столь же опасно, потому что непредсказуемо, что будет, дай я согласие на то, что она предлагает. Всё равно, что стоишь перед кучей золота, понимая, что получишь его в обмен на жизнь. А зачем мёртвому золото? А если не врёт бабка? Вдруг и в самом деле искренне жаждет отдать свою силу и знания правильному человеку, который не похерит, не просрёт полученные богатства, использует их пусть и во благо себе, но не растратит понапрасну.

Любому профессионалу, пусть он и занимается чем-то

неблаговидным, жаль, если его знания и умения умрут вместе с ним. Жаждет он найти человека или последователей, чтобы его идеи проросли в вечность, дали корни, а люди вспоминали о нём многие годы, а то и века, превращая данное им в ещё большее мастерство, сравнимое с искусством. Тогда и помирает он со спокойной душой, понимая, что отдал всего себя без остатка людям, жил и работал не напрасно, не только для себя. А вот помирать в одиночестве, в тесной и унылой камерке, не видя дневного света, не слыша человеческого живого слова, самая страшная судьба для таких людей.

Ведьмы, как бы странно это не прозвучало, тоже люди. Пусть и черна их душа, пусть много зла принесли они людям, но в них есть сила, которую можно использовать как во зло, так и в добро, потому что это просто сила. Кто-то ножиком бифштекс режет, а кто-то людей, кому-то нож нужен, чтобы спасти людей, вскрывая застарелые раны, а кто-то тем ножом как раз раны и причиняет, чтобы содрать с мёртвого тела всё, что можно продать. Всё зависит от человека, в чьих руках тот нож, та сила, те знания. Клавка дура, а я? Получается, не совсем дурак?

– Долго думаешь, касатик, – зло буркнула бабка. – Своё слово сказала, где живу, знаешь. Силу вот так не передашь, нужно человека за руку держать, в глаза смотреть.

– А можешь прямо сейчас поделиться чем-то, чтобы я тебе поверил? – спросил я, будто кто меня в бок локтем пих-

нул.

Согласится ведьма сразу, не думая, появится крохотный повод к доверию. Откажется, начнёт выдумывать причины, отказываюсь сразу, потому что и дураку понятно, всё, сказанное только что, враки и пустая болтовня. Разговор ради того, чтобы затащить меня в своё логово, вцепиться когтями и выпить кровь или наоборот влиться в моё тело, чтобы ещё одну жизнь прожить.

– И чего же ты желаешь, касатик? Небось, хочешь, чтобы я из тебя целителя знатного сделала? – ехидно усмехнулась она. – Много вас было, да недолго прожили, благодарные людишки сами их на костёр оттащили, как только узнали, что за спасение их ничтожной душонки денежку платить потребно!

– Нет, не нужно мне это знание, – не объясняя причины, с ходу отказался я. – Научи, как распознать, что мне врут, – стараясь скопировать её же ехидство, предложил я сделку.

– Боишься обману? – прищурилась старуха. – Это правильно, никому верить нельзя, а мне можно, – уверенно заявила она.

– Не понял, ты знание мне передашь или предлагаешь тебе верить на слово?

– Ежели предложу на слово верить, так ты ж откажешься ко мне в гости идти, – повздыхала старуха, словно её уговаривали за даром доброго поросёнка отдать.

– Откажусь и правильно сделаю, – согласился я. – Или ска-

жешь, для этого тоже нужно рука об руку, глаза в глаза?

— По-хорошему надо бы, но такую мелочь и так отдам, весит мало, а пользы от неё много, — словно торговец на рынке нахваливала бабка свой товар. — А руку-то свою всё одно дай, — построжела она. — Не сама, через Клавку, но по воздуху такое не передашь, — противореча своим же словам, заявила она. — Дозволишь мальчика за руку поддержать? — глянула она на Нинку.

Я кивнул, с любопытством ожидая, что выкинет старушка на этот раз. Слишком легко согласилась, но условие поставила. На самом деле решила облагодетельствовать или очередную каверзу готовит? Получит контакт с телом, задавит меня силой, приструнит Нинку и утащит меня Клавка за далёкие горы, за синие моря, никто и слова не вякнет. Поэтому сжал энергию в тугой комок, чтобы ударить со всей дури, как только почувствую опасность. С ведьмой, прожившей не одну жизнь, нужно постоянно быть настороже, потому что все мы в сравнении с ней, как мотыльки в пламени свечи — наивные и глупые.

Клава бочком подступила ко мне, глянула на Нинку, дождалась от неё согласного кивка, затем ухватила меня за руку, склонилась к моему лицу, впившись взглядом, казалось, в самую душу, и что-то зашептала на совершенно незнакомом языке, то понижая голос до еле слышимого, то тихонько подвывая. Горячая волна прокатилась по всему моему телу от макушки до пяток, ударилась и побежала обратно, напол-

няя меня каким-то удивительным чувством.

– Ты стал целителем, касатик, – отпустив мою руку, заявила бабка, продолжая стоять поодаль.

Что это было? Мне словно раскалённый штырь в мозг вонзили! Забыв о необходимости держать оборону, я заорал благим матом, корчась от непереносимой боли. Сука старая, ведьма проклятая, нашла лазейку, втёрлась в доверие, пома-нила сладким словом «халява», а я и повёлся, сам пустил к телу, сам разрешил над собой ритуал провести, сам... сам... сам... с-с-с-ука-а-а!

– Больно? – с сочувствием спросила бабка. – А чего ты хотел, касатик? За всё нужно платить! Если кто-то рядом с тобой соврёт, ты точно будешь об этом знать, – хихикнула она.

Боль пропала, словно её волной смыло. Правду сказала? Правда смывает боль от лжи? Но как теперь жить, если люди постоянно врут? Врут другим, врут себе, врут во благо, из корысти, из желания нагадить сопернику или уберечь ближнего от лишней боли. Нет, не хочу постоянно купаться в этой непереносимой боли! Дурак, потому что заранее не узнал, чем буду расплачиваться за такое знание!

– Убери... пожалуйста... – с трудом выдавил я, понимая, что сглупил нещадно.

Как я узнаю, что именно она со мной сделала, если даже не заметил процесса, словно его и не было. Отследил последствия – волна, боль, ушедшая боль. Но что стало при-

чиной? Ложь? После, не значит, что вследствие! Три разных действия, сплетённых в одном сценарии, чтобы задурить голову клиенту.

Ведьма щёлкнула пальцами и странное ощущение в голове развеялось. Поверить, что так и есть на самом деле? А что ты можешь сделать, Лёха? Блин, в сравнении с этой старухой ты истинный младенец в магии! И кто тебя дурака уму разуму научит? Ясли, сад, школа, институт? А есть ли в них такой предмет, как магия?

– Ещё чего пожелаешь, касатик? – терпеливо осведомилась старуха. – Банкуй, пока я добрая, а то ведь могу и другого кого поискать вместо тебя, – ощерившись, зло проговорила она.

И что мне с ней делать? Драться не вариант, ломает, как соломинку. Соваться в пасть голодного тигра, ещё опаснее, потому что вариантов тьма и все про то, под каким соусом меня сожрут с костями. Хитрить и изворачиваться, чтобы потом придумать что-то эдакое, призвав на помощь КГБ, тоже не из лучших вариантов, потому что не удивлюсь, обнаружив в себе магический «жучок». Сам бы поступил точно так же, чтобы всегда быть в курсе планов своих противников.

– Как надумаешь, приходи в любое время, – сухо сообщила ведьма, правильно истолковав затянувшееся молчание. – В смысле, пусть тебя кто-то ко мне принесёт! Сама я уже не встану с постели, ноги не ходят и зелья не помогают, – пожаловалась она на злую судьбинушку. – Не тяни время, по-

тому как может не хватить мне силы, чтобы ею поделиться, – предупредила она, – а твоя сила мне не поможет!

– И на этом всё? – откровенно удивился я, не веря в своё счастье. – Не нужно чем-то клясться на крови?

– Шутишь? Ну-ну, шути, да меру знай, – цыкнула она. – Своё слово сказала, а ты сам решай, быть тебе моим наследником или прахом уйдёт сила моя! Мало нас осталось, каждый, кто в силе, ценность имеет! Сгинем мы, пропадёт сила, словно и не было её, а разве это правильно? Тыщи лет копили знания, а теперь всё в нужник спустить? Думай, касатик, думай, да не о себе, а о том, как этот мир без нас жить дальше будет, вот о чём думу думай!

Клава вздрогнула, покачнулась, чуть не упала, успев схватиться за подоконник. Ноги у неё подкосились от слабости, и она осела на пол, не понимая, что с ней происходит.

– Вот и поговорили, – подвела итог Нинка. – Клава, ещё что-то сказать хочешь? – бывшая нянька мотает головой так, что я начинаю опасаться, как бы она не отвалилась. – Тогда проваливай, пока мы снова не поругались, – скомандовала заведующая.

Клава с трудом поднялась на ноги, неуклюже доковыляла к двери, приоткрыла её, затем обернулась, обвела нас взглядом, словно пытаясь увидеть нечто тайное, особое, необычное, ради чего бабка заставила её переться в ненавистные ясли.

– Да пропадите вы все пропадом, – в сердцах сплюнула

она, выходя и громко хлопая дверью.

Тишина в кабинете заведующей стояла недолго.

– А теперь ты мне, Лёша, расскажи то, чего я не поняла, – попросила Нинка устало. – Сколько тебе лет на самом деле и почему Клавкина бабка решила отдать свою силу именно тебе? Кому Клавка разболтала про тебя и что мне ждать в самое ближайшее время? Кто ты такой, Лёша, что из-за тебя все вокруг сходят с ума и умирают?

Она смотрела на меня с какой-то тоской, будто я кара небесная, данная ей в наказание за какие-то грехи. Ни забыть меня, ни отвязаться, ни скинуть на кого-то другого. Связалась на свою голову ради мимолётной прибыли, а вышла смерть с неприятным продолжением в чужом теле. Теперь ещё Клавкина бабка привязалась со своей силой. Нет ведь ведьм, не существует их в природе, враки всё это, сказки, но бабка говорила об этом спокойно, словно о повседневности, привычке, рутине.

Слушал я Нинку и понимал, хочется ей всё бросить и податься куда подальше, чтобы забыть, выкинуть из головы весь этот бред. Уехать туда, откуда проблемы будут выглядеть мелкими и ничтожными. Ведь люди жизнь проживают, не встречаясь и даже не подозревая о существовании ведьм и всякой магии, а вот она влипла по собственной дурости, как муха в мёд. На сладенькое потянуло? Хлебай большой ложкой и не обляпайся, Нина!

– Давай так, Нина, чтобы не ходить вокруг да около, при-

ми, как данность, ведьмы существуют, – предложил я, стараясь говорить спокойно и авторитетно. – Сама видела, обычный человек такое сотворить не может, так что спорить не о чем.

Нинка автоматически кивнула, продолжая думать о своём, скорее всего, прикидывая, как можно соскочить с этой неприятной темы без ущерба для жизни и здоровья. Уже для новой жизни, потому что старую она потеряла именно из-за того, что связалась со мной. Вряд ли её порадует то, что она сейчас услышит, но знать об этом следует, потому что лучше переспать с проблемой и встретить её во всеоружии, чем она нападёт на тебя коварно из-за угла. Или тихо свалить, никого ни о чём не предупреждая, уйти в закат, как это принято говорить в подобных случаях. А что? Тоже вариант и не самый плохой, если жить очень хочется.

– Кто все эти люди, которые за тобой охотятся? – настойчиво повторила она свой вопрос.

– Комитет государственной безопасности, Нина.

Я помолчал, дожидаясь, пока слова проникнут в сознание девушки. Вскинулась, глаза расширились, зрачки сузились, щёки зарозовели, задышала порывисто – услышала, испугалась, сейчас начнётся истерика.

– Не буду обещать полной безопасности, но по факту они знают обо мне, той Нине, которая погибла, и о том, что все няньки зарабатывали на мне. Неприятно, но есть возможность вывернуться из этой ситуации.

– И что для этого нужно сделать? – поджав губы, спросила Нинка.

Не верит она мне, категорически не верит, а зря.

– Тебе ничего, потому что для них ты заведующая, пострадавшая на производстве, непричастная ни к каким делам, об этом Клавка заявит однозначно, – попытался я успокоить девушку. – Сегодня вечером у меня встреча с одним очень важным человеком, надеюсь, мы с ним договоримся и все проблемы исчезнут разом.

– Встреча? – удивилась Нинка. – Он придёт к нам в ясли? Или вы встретитесь в вашей квартире?

– Ни то, ни другое, Нина, – как можно мягче сказал я, пытаюсь подобрать слова для важного признания. – Ты ведь видела, как ведьма разговаривает с нами через Клаву?

Нинка настороженно кивнула, начиная догадываться, что именно сейчас узнает. Нервно сглотнула, словно прикидывая это к себе, поёжилась от неприятных ощущений, понимая, что Клава совсем не добровольно стала посредником в разговоре, её использовали как бездушную куклу.

– Я тоже так умею, – признался я. – Сама понимаешь, я ведь не могу сбегать к кому-то на встречу, а поговорить иногда очень нужно. Вот и приходится использовать посредников.

– А эти... ну-у-у, посредники... они о тебе знают?

– Нет, даже не подозревают! Более того, они не слышат разговора, не участвуют в нём и не знают о том, что их кто-

то использует. Для них свет выключается, потом включается, в промежутке ничего. Поэтому меня невозможно отследить, найти, поймать.

– Но Клавка же проболталась...

Чёрт, как сломать этот лёд недоверия в её душе? Страх сейчас правит бал в её сознании, она мысленно уже на нарах в одиночной камере, её ждут допросы и неизбежное наказание. Она не верит, что какой-то малыш, пусть и с сознанием старика, может её спасти. Паникёр не думает, он действует, подчиняясь инстинктам, готов на всё, чтобы спасти свою жизнь, ему плевать на других людей, потому что в этот момент есть только он и весь остальной мир, ополчившийся против него. Нужно вернуть её к осознанности, к ониманию, что возможны варианты, что не всё ещё пропало.

– Не совсем так, Нина! Клавка проболталась о малыше, у которого есть определённые качества. На этом всё! А эти люди ищут автора анонимок, ту самую Кассандру! Помнишь, я тебе говорил, что ни одно доброе дело не останется безнаказанным? Обязательно найдут и накажут, если не будем действовать максимально осторожно.

– Но там же... мои отпечатки пальцев... мой почерк... кто-то мог видеть меня у почтовых ящиков...

– Нина, стоп! Кого могли видеть? Чьи там отпечатки пальцев и почерк? Этого человека нет в живых! Цепочка оборвалась вместе с твоей смертью! Связать тебя со мной невозможно! Признать меня автором анонимок невозможно! У

них нет ни одной зацепки! Найти Кассандру нельзя! Услышала меня?

Нинка кивала, но в её глазах полыхало недоверие и страх, она не разделяла себя прежнюю и нынешнюю, потому что разницу можно было заметить только в зеркале. Комитет государственной безопасности, звучит как НКВД, которым до сих пор детей пугали. Если они кого-то ищут, обязательно найдут, а потом допросы, камеры, пытки. Расскажешь даже то, чего не знал! И как от всего этого может защитить даже самый волшебный младенец, умеющий разговаривать через посредников и заряжать крема? В битве КГБ и младенца победителем в любом случае выйдет КГБ!

– Если мне не веришь, прямо сейчас забирай все сберкнижки, уходи с работы, кидай в сумку только самое необходимое и уезжай куда подальше. Лучший вариант на какую-то стройку, где с кадрами проблема и никто особо не проверяет документы. Не обижусь, пойму, порадуюсь за тебя, что будешь жить спокойно, не вздрагивая от каждого стука и голоса за спиной.

– Лёша, ну, как я тебя брошу? – жалобно всхлипнула она. – Получается, струсил, кинул тебя на произвол судьбы, сбежала от проблем!

– Нина, ты не обязана за мной сопли подтирать, для этого есть семья, – остановил я её оправдания. – Заметь, я сам по себе оружие, очень опасное оружие, способное дать жёсткий отпор любому врагу! И не надо смотреть на меня, как

на младенца, чёрт бы тебя побрал, Нина! Меня баба Сима признала за ровню, ну, кто против меня может выступить?

Вру, конечно, не ровня и даже близко не лежал, потому что все мои умения от лукавого, точнее, от тех неведомых сил, которые послали меня спасти неведомо кого. А вот бабка точно знает, что и как делать, чтобы получить гарантированный результат, никакой поводырь ей в этом деле не нужен, за ней стоит многовековая жестокая школа ведьм, в буквальном смысле этого слова прошедших через огонь, воду и медные трубы. Получи я ту силу, а вместе с ней и знания, буду практически неуязвим. Практически, потому что от пули снайпера ничто меня не защитит, никакая магия не восстановит вдребезги разнесённый череп или пробитое пулей сердце.

Так что, как и в стародавние времена, лучшая стратегия мага – прятаться и убегать, становиться невидимкой, растворяться среди людей, не выделяться, позволяя себе лишь небольшие отклонения от нормали, признаваемые обществом. Как только тебя признают опасным для сильных мира сего, тут тебе и придёт каюк окончательный и бесповоротный. Власть не терпит конкуренции, как бы привлекательно она не выглядела. Сегодня ты целитель, лечащий магией, завтра твои пациенты, ведомые той же самой магией, поднимут власть на вилы. Поэтому только тотальное уничтожение, зачистка малейших ростков магии в самом начале, чтобы ничто не могло конкурировать с обычным человеком,

державшим за глотку ближнего своего.

– Не буду я никуда убегать и прятаться, – приняла окончательное решение Нинка. – Что будет, то и будет, от судьбы не уйдёшь, а она у нас с тобой, Лёша, теперь одна на двоих, – твёрдо заявила она.

– Как думаешь, соглашаться с предложением бабки? – не став выражать чувств по поводу её решения, сменил тему.

Если мы партнёры, критически важные проблемы нужно обсуждать и решения по ним принимать вместе, чтобы потом не обвинять друг друга в излишке инициативы. Можно было бы продолжить игру в секреты, оберегая психику Нинки от слишком проблемных вопросов, но это аукнется в самый неподходящий момент слабиной. Если металл не закалять, он подведёт в бою, сломается, затупится, согнётся, дав шанс твоему врагу.

– Нужно соглашаться, – не задумавшись ни на мгновение, посоветовала Нинка. – Бабка помрёт, а мы станем сильнее!

– А ты веришь ей? Думаешь, на самом деле она собирается помирать? Что-то я в её голосе страданий особых не услышал, – подкинул я сомнений. – Кто его знает, как проходит этот ритуал и что при этом происходит? А если она требует полностью раскрыться перед ней, расслабиться, чтобы не мешать процессу, а сама ударит со всей дури и прикончит меня?

– Думаешь? А ей это зачем? Что она с этого будет иметь? Мы ведь ей не мешаем, на её поляну не лезем, никого не

лечим, клиентов не отбиваем. Зачем ей тебя убивать? Проще договориться и работать вместе, – размышляла она.

– Есть ещё вариант, близкий к тому, что произошло с тобой, – намекнул я, но, увидев непонимание на лице Нинки, уточнил. – Захочет переместить свою душу в меня, чтобы ещё одну жизнь прожить!

– Так она же сказала, нет у неё души, – простодушно напомнила Нинка. – Что она перемещать-то будет?

– А ты сразу и поверила её словам, – ухмыльнулся я. – Ей соврать, как тебе высморкаться! Мы, обычные люди, для неё корм, мясо, питательная среда, с которой она кормится силой и деньгами. Так было во все времена, за это ведьм и не любили, – пояснил я. – Ведьма одной рукой лечит, исцеляет, а другой порчу наводит, чтобы человек к ней снова пришёл!

– Гадость какая, – фыркнула недоверчиво Нинка.

– Так что всё ей сказанное дели на сто, а то и больше. Потому и спрашиваю, стоит ли соглашаться?

– А ты можешь как-то проверить, есть у неё душа или нет?

– Понятия не имею, если честно, – признался я. – Я ведь не настоящий волшебник, так получилось. Может быть, и смогу, но точно не скажу, пока не попробую!

– И кто тебе мешает пробовать? – удивилась Нинка. – Полный дом людей, бери и пробуй!

Хм-м, а ведь это идея! Почему бы и не попробовать? Я ведь видел душу Нинки, когда она была в послесмертии. Видал и в момент соединения, наблюдая, как чужая для тела

душа вписывается в него, забирая под себя управление телом. Видел и выкинул из головы, как бесполезный, никогда более не требующийся опыт.

Но что-то мне запомнилось? Вспоминай, Лёха, думай, напрыгайся, потому что это смертельно важно! От этого зависит, стоит ли мне с бабкой дела иметь или сразу бить на поражение, выйдя на прямой контакт. Подготовить батарейки, закачать их до отказа, заморочить бабке голову и схватить за руку хотя бы на мгновение, чтобы создать контакт, а там, уж кто кого, если дело дойдёт до прямой стычки.

Виолетта Николаевна до воссоединения с душой Нины была подобием того, в каком состоянии сейчас находится бабка, с её слов, естественно. Тело есть, а души нет. При этом есть существенная разница – бабке душу может заменять сила, магия, энергия подобная той, что наполняет меня. Посмотри сторонний маг на меня, что он увидит внутри? Ровное голубое сияние и, возможно, всполохи фиолетового огня там, где идёт активная реакция. Что из этого душа, а что сила?

Чёрт побери, задачка не так проста, как выглядит на первый взгляд. Нужно думать, смотреть, отделяя зёрна от плевел, точнее, душу от тела. Но прямо сейчас хоть одним глазком нужно заглянуть к Шелепину, потому что нет у меня к нему доверия, от слова совсем нет. Не тот он человек, который исполняет свои обещания, данные простому человеку. Поэтому прервёмся, поставив эксперимент на паузу.

– Нина, давай вернём меня обратно в палату, – предложил я. – Кушать хочется и подумать нужно крепко, – пояснил я. – Позови Любу, пусть отнесёт! Не тебе же за них работать!

Не сказать, чтобы Люба обрадовалась поручению. Ворчала всю дорогу, высказываясь по поводу заведующих, приказывающих таскать им малышей, будто те пушинки лёгкие. Но до кровати дотащила, уложила, сунула бутылочку и ушла по своим делам. Вот и славно, не будет мешаться под ногами. Что там с Шелепиным? Образ... поиск... синхронизация... есть контакт!

– Я особо подчёркиваю, Сергей Валентинович, об этом поручении полковник Пашутин не должен знать ничего, – настойчиво втолковывал что-то Шелепин майору Иванову.

Интересно девки пляшут по четыре сразу в ряд, получается, Пашутин нынче вышел из доверия? Председатель затеял какую-то игру помимо него? В принципе, это логично, потому что человек, чьим сознанием можно управлять, как своим, становится опасен, через него начнут утекать любые доверенные ему секреты.

– Понимаю, Александр Николаевич, – с готовностью кивнул майор. – Разрешите приступить к операции?

– Действуйте, Сергей Валентинович, – разрешил Шелепин. – Тщательно проинструктируйте людей, чтобы не было сбоя! Всё должно выглядеть максимально достоверно. Я рассчитываю на вас, – весомо произнёс он, словно обещая обязательную награду в случае успеха.

– Есть, товарищ председатель! – немедленно подскочил с места Иванов. – Разрешите идти?

Шелепин кивнул, не отрывая взгляда от двери, уже закрывшейся за ушедшим майором. Интересно, что за операцию они затеяли и как это может быть связано со мной? Эх, припозднился я с этими разборками, пропустил что-то важное! Теперь придётся быть настороже, отслеживая всё, что выходит за рамки обыденности.

Мудрит что-то Шелепин, к бабке не ходи, мудрит. Да и сама бабка не так проста, как кажется. Приду я к ней, открыв рот от предвкушения, что вот-вот получу полный кулёк шоколадных конфет, разверну фантик, а там что-то похожее по цвету, но воняет отвратно. Займёт бабка моё тело, и кто это заметит? Никто, потому что вместе с телом, не убивая душу, а загоняя её в тёмную кладовку, получит она и мои знания.

Будет морочить голову Нинке, маме, Машке, заняв моё место в жизни, выжидая, пока вырастет хоть во что-то значимое, более или менее самостоятельное, чтобы начать жить в полную силу, избавившись от всех, кто её знает и мешает. Но самое главное, ведьма получит мои контакты: следовательно, полковника, Шелепина, а там и самого Никиту Сергеевича запишет в свояки.

Начнёт творить добро направо и налево, подобно тому, чьё тело украла? Слабо верится! А вот в то, что использует всю власть на укрепление роли ведьм в обществе, верится легко! На дворе двадцатый век, наука, человек скоро в кос-

мос полетит, а в стране Советов ширится движение ведьм и колдунов, ураганными темпами заменяющих власть партии. Сельский магический комитет, первый колдун горкома колдовства и магии, кафедра заклятий и приворотов государственной академии магии. И всему виной маленький мальчик Лёша, безропотно отдавший себя и свои способности в лапы коварной ведьмы!

От таких вопросов извилины заворачиваются в тугой узел и перестаёшь соображать совершенно. В голове муть, от мрачных перспектив, слабость по всему телу и никакая энергия с этим не справляется. Не отравила ли меня ведьма тем заклятьем? Не напустила ли какую порчу, чтобы сам упал в её загребушие руки, как перезревший плод, устав мучиться от страха и сомнений? Сейчас бы уснуть крепким сном, чтобы, проснувшись, понять, не было никакой бабки Симы, не было никаких яслей, я по-прежнему сплю в своей квартире в далёком ХХІ веке...

Нет, вот это уже совершенно точно не случится, потому что никак не вычеркнуть из жизни эти девять месяцев, в которых столько всего произошло. Не вычеркнуть маму, Машку, Нинку. Не забыть Иннокентия Петровича. Не выкинуть из памяти всё, что с нами произошло и за кого я в ответе в этой новой жизни. Но выспаться нужно, потому что лежать и пялиться в потолок, гоняя страхи и сомнения, как бильярдные шары, только самому себе вредить. Сон – лучшее лекарство от всех проблем!

Так спать или не спать, вот в чём вопрос? В принципе, до шести вечера я совершенно свободен, а следующий сеанс связи пройдёт из дома, если мама не припоздаст из школы. Бабка Сима не требует явиться к ней немедленно ровно в полночь и на кладбище к разрытой могиле. Никто по мою душу, кроме любимой мамы, не явится. Поэтому спать, и пусть мне приснится тот, кого я должен спасти. С фотографией, персональными данными, адресом и, желательно, телефоном, чтобы не мотаться за ним по всему Союзу!

Есть проблема технического плана – как я буду разговаривать с Шелепиным из своей квартиры? Нужен эксперимент, простой и понятный – могу ли я говорить мысленно? Мне ведь не нужно самому произносить все те слова, что льются из посредника, достаточно представить, что именно он должен сказать, а это вполне можно делать, не открывая рта и не пугая близких. Эх, была бы у меня собственная детская с плотно закрывающимися дверями, я бы тогда...

Нет у тебя детской и в ближайшем будущем не предвидится, поэтому отсыпаться будем в следующей жизни. К-хм, звучит как оксюморон, учитывая, что у меня и так уже следующая жизнь, а выспаться никак по-человечески не получается! Тогда проводим натурный эксперимент, используя, как верно подметила Нинка, подручный материал, то есть... а-а-а-а... Ну, а как ещё привлечь к себе внимание няньки?

Кто подорвался ко мне на помощь? Снова Люба? Это уже напрягает, потому что она от меня должна устать и начать

прятаться при первых звуках моего голоса, а она уверенно прёт на всех парах прямо ко мне и выглядит при этом весьма озабоченной, будто только что получила задание лично от товарища Хрущёва. Шутка, но вот незнакомые люди за её спиной выглядят вполне реально: деловые, подтянутые, с папками под мышками, конторой от них за версту воняет. Нет, ну, мы же договорились, Александр Николаевич!

– Можете проверять хоть вдоль, хоть поперёк, – недовольно буркнула Люба. – Вот этот опять проснулся, его и смотрите, – фыркнула она, будто речь шла о просроченном товаре, выброшенном ушлыми продавцами в продажу под видом годного. – Орёт и орёт, сладу с ним нет, – пожаловалась она, будто людям, внимательно оглядывающим меня, было до этого дело.

Пришли на меня посмотреть, чтобы составить впечатление? Ну, смотрите, любуйтесь, нюхайте! Что, не нравится аромат? Пролетариат имеет право использовать любое оружие для своей защиты, а на вашем брате именно это уже опробовано и признано эффективным.

Ух, ты, даже не поморщились! Вот это выдержка, не чета нашим местечковым чекистам, и не такое видали в своей Москве, занимаясь пытками в сырых подвалах НКВД. Ну, это я так, жути нагоняю, хотя вид у них, как у людей, готовых в любой момент применить табельное оружие. Не задумываясь! На поражение! Ребёнка!

Интересно, как Шелепин объяснил им задание, на что

ориентировал? Нам ещё встречаться в шесть вечера, а он псов своих пригнал не ко времени. Понятней было бы, явись они в разгар нашей беседы, как говорится, взяли бы с поличным, а тут непонятка. Игры странные, с предсказуемым результатом – возьмут меня под микитки и не будет никакого разговора. Притащат к Шелепину, а я снова ни бум-бум и только бу-бу-бу. Хоть надвое порвитесь, но что взять с младенца, который умеет только кушать, гу-гукать, да гадить под себя? Ну, как говорится, не жили богато, не стоит и начинать!

– Чего ждём? У вас ребёнок обделался! – насмотревшись на меня в досталь, сухо поинтересовалась женщина у Любы. – Или они у вас вот так по полдня лежат в грязных пелёнках? Тогда так и напишем в акте проверки...

– Не надо ничего писать, – покраснела от испуга Люба, – чистенькие они у нас всегда, по первому крику прибегаем, а этому, вообще, горшок выделили, – тараторила она с пулемётной скоростью, кинувшись менять грязные пелёнки. – Если бы вы не пришли, я бы его на горшок посадила, и был бы он у нас чистенький, – выговаривала она проверяющим, привычно переходя в наступление. – Нас заведующая знает, как гоняет? Мы тут целый день носимся, как угорелые, к вечеру без ног, без сил падаем, а все только и говорят, что няньки чаи гоняют и ничего не делают, – стрекотала она, не давая проверяющим и слова вставить.

– Тихо, – прикрикнула женщина, – детей разбудишь, ку-

рица! Закончила? Тогда дальше води, а то мы так с тобой до вечера проваландаемся, – проворчала она, кинув на меня ещё один внимательный взгляд.

И до этого смотрела, как в прицел, осматривая со всех сторон, пока Любка вертела меня голой попой перед неожиданными гостями. Что хотела увидеть? Печать ОТК? Дату изготовления и срок годности? Код производителя, не маде ин Чина ли? Не шпион ли китайский тут в наши советские пелёнки гадит? Фу, напугали ежа... хотя, действительно напугали, потому что сердечко колотится и потряхивает от выплеска адреналина. Блин, теперь придётся подождать, пока они уйдут, чтобы провести важнейший эксперимент, от которого зависит судьба мира!

А как вы думали? Нужно дожимать Шелепина, переходить на более высокий уровень власти, чтобы... стоп, прочь бредовые фантазии! Для начала нужно выжить и поговорить с Шелепиным, а то слишком много народу хочет отпробовать комиссарского тела... тьфу ты, моего тела.

Цугцванг Кассандры

Суббота, 11.03.1961, вечер, Киев, район Куренёвка, дамба третьего отрога Бабьего яра

Солнце светит так ярко, будто наступил апрель. С крыши вагончика тяжело падают капли. Глина блестит. Из тела дамбы тонкими нитями сочится вода. И каждый такой ручеёк выглядит как кровь из ещё живого организма. Организма бездушного монстра, лениво прикидывающего, что ему сожрать первым, как правильно стреножить добычу, чтобы никто не вырвался из его жадных лап.

Завтра последний день, – думал Щербицкий, глядя на медленно растущую бетонную стену со ступенек строительного вагончика. – Один день, чтобы закрыть эту язву наглухо, а работы на месяц и это понятно любому. Если дамба рванёт, смоем всех, перекалечит, угробит технику, похоронит его карьеру столь же верно, как то, что солнце всходит по утрам на востоке.

Чёртова Кассандра, – чуть не выматерился он вслух. – Предупредить за десять дней до катастрофы, чтобы мы медленно сходили с ума от понимания неотвратимости разрушения дамбы. Суеетимся, делаем что можем, жилы рвём, а будет ли толк, непонятно.

Каждый сделанный шаг, каждый отданный приказ, каждая тонна бетона, залитая в защитную стенку, не решают

проблему кардинально, зато качественно затягивают удавку на его шее. Как это в шахматах называется, когда каждый следующий ход ведёт к поражению противника? Цугцванг, кажется? Да, точно, цугцванг Кассандры, загоняющей своей анонимкой его, Щербицкого в неизбежную ловушку.

И как ловко всё проделала, не приказывала, не подсказывала, что нужно сделать, всего лишь обозначила то, что увидела в будущем, приоткрыв, якобы, завесу времени. И никто не скажет наверняка, сбудется это предсказание или нет. А он на свой страх и риск принял решение защищаться от вымышленной угрозы именно таким способом. Кто-то очень умный просчитал его поведение, знал, что не отступит, не привык сдаваться, кинется на амбразуру грудью, а им, тем, кто прячется под именем Кассандры, только этого и нужно.

Ажурная сетка арматуры выглядела как паутина, растянувшаяся против каменной лавины – тонкая, хрупкая, бесполезная. Чтобы залить её бетоном нужно время. Даже имея бетона вдосталь, нельзя лить его непрерывно, раствору нужно схватиться, чтобы принять следующий слой. Схватиться и набрать прочность, а это снова те самые недели, которых нет в запасе.

Не проще ли было сразу последовать совету Кассандры и просто вывести людей из опасной зоны? Не сбудется предсказание, назовут перестраховщиком, влепят выговор, но на этом всё! Рванёт дамба, а он подстраховался, вовремя увёл людей, отключил электричество, убрал технику, поступил

правильно, а за это и наградить можно! Как ни посмотри, но Кассандра была умнее его стократ!

Почему-то не было в душе ощущения, что за Кассандрой стоит враг, слишком цинично бы это выглядело. Человек с очень странными способностями, о которых в стране победившего Октября говорить открыто не следовало. Есть партия, она видит на годы вперёд, ей и нужно верить, а не всякого рода шарлатанам, гадалкам и предсказателям. Но партия легко переложила ответственность со своих плеч на его, понятия не имея, солгала Кассандра или сказала чистую правду.

Кто она такая, что её советы звучат разумнее приказов Москвы? Кто-то сидящий в Политбюро, но не имеющий достаточного веса для продвижения своих идей? Не может простой человек знать такие детали, быть погружённым в тематику настолько, чтобы предсказать точно не только день, но и время возможной катастрофы. А они вольны верить или не верить ей на слово, но время названо, и поневоле будешь поглядывать на часы, представляя, что вот-вот на город обрушится беда.

Говорят, Кассандра существует где-то там, далеко, в каком-то уральском городке, который и не на всякой карте обозначен. Врут, скорее всего, чтобы скрыть тайну. Ищут для видимости, убеждая его в том, что такой человек существует и представляет угрозу для страны. Провокатор? Враг? Или друг, не желающий заявлять во всеуслышание о своих спо-

собностях? Но сейчас дело уже не в Кассандре.

Сейчас он снова должен принять решение, плохое решение, потому что работы нужно сворачивать немедленно, иначе пострадают не только люди, но и строительная техника, стратегический резерв строительной отрасли Киева, брошенный в бой по его прямому распоряжению. Бесполезно потрачены силы, парализованы важнейшие стройки столицы Украины, а угроза не ликвидирована – дамба продолжает нависать смертельной угрозой для всего живого в Куренёвке.

– Владимир Васильевич, можно начинать совещание, – услышал он голос Стрелецкого из вагончика. – Люди собрались, ждём вас!

Прозвучало как приглашение взойти на эшафот, – криво усмехнулся Щербицкий. – А денёк, как по заказу, солнышко шпарит, небо чистое, всё против нас. Лучше бы мороз под тридцать градусов жажнул, – позволил он себе помечтать.

– Здравствуйте, товарищи, – поприветствовал он строителей, встретивших его не очень довольными взглядами. – Понимаю, работа кипит, не до совещаний, но собраться нам нужно, потому что я принял решение с этого часа остановить строительство защитных сооружений и начать вывод техники и людей со стройплощадки.

Если до этого в вагончике стояла тишина, то сейчас она стала гнетущей, пропитанной непониманием, обидой, разочарованием. Кто-то машинально постукивал карандашом. Кто-то тёр ладонями цементную пыль, въевшуюся в кожу.

Кто-то снимал и раз за разом протирал очки. За окном рычал компрессор, завывали грузовики, переругивались строители. Внутри – ни слова, словно неожиданно по мановению волшебной палочки выключили звук. Ударная стройка, все в мыле с утра до ночи и с ночи до утра, мысленно уже примеряют к себе награды за победу над стихией, а им говорят прекратить всё! Почему? Что за глупости? Нормально же работаем!

– Есть мнение, что утром тринадцатого марта дамбу прорвёт, – с трудом выталкивая слова, сообщил Щербицкий.

– Чьё мнение? Кто сказал, что прорвёт? Стоит же нормально! Десять лет стояла и ещё столько же простоит!

Щербицкий поднял руку, останавливая бурление в массах. Возмущение их понятно и ожидаемо, здесь словами «есть мнение» не отделаешься, нужны факты, весомые аргументы, чтобы эти строительные зубры не просто подчинились приказу, а осознали нависшую над всеми угрозу как реальность. Если ошибся – послезавтра утром все будут смеяться. Если окажусь прав – половины этих людей уже не будет в живых.

– Игнат Григорьевич, доложите результаты обследования дамбы, – приказал он.

Стрелецкий растерянно посмотрел на Щербицкого, явно не ожидая именно такого приказа. Затем кивнул, встал и подошёл к схеме дамбы, на которой каждый час отмечали законченные работы. Ещё вчера она пестрела зелёными отмет-

ками, а с утра её заляпали красные пятна.

– Владимир Васильевич, на мой взгляд, мы достаточно успешно продвигаемся в плане выполнения работ, и нет никаких причин прекращать это делать и дальше! Люди мобилизованы, техники в достатке, бетон поступает строго по графику!

Строитель в душе Стрелецкого не мог остановить стройку, потому что вся его душа в этом строительстве. Он живёт этим бешеным ритмом огромной стройки и остановить её, значит, лишить его жизни. Да, много фактов говорят, что они нещадно опаздывают, что опоздание смерти подобно, но пока есть возможность, нужно строить, строить и ещё раз строить.

– Игнат Григорьевич, давайте не будем спорить с приказами, – мягко попросил Щербицкий, отчётливо понимая, что для инженера это практически личная трагедия. – Вы хорошо справились с организацией работ, за это вам от меня лично великая благодарность, но сейчас нужно прекратить стройку и обеспечить грамотную эвакуацию!

Стрелецкий выслушал с видом человека, которому судья зачитал приговор. Ни опротестовать, ни заставить судью пересмотреть своё решение он не может. Остаётся только примириться с тем, что из строителя он превращается в эвакуатора, досконально знающего, в какой последовательности выводить людей и технику со стройки. Он снова взглянул на карту, испещрённую зелёными и красными пометками,

вздохнул и начал отчёт.

– И всё-таки повторю своё мнение – мы можем продолжить строить защитную стену, у нас есть целые сутки, если я правильно понимаю ваше поручение, Владимир Васильевич. Тем не менее есть и негативные факты, – он пожевал губами, поморщился, словно не хотел говорить то, что нужно. – Параллельно с проводимыми работами сапёры из приданных военными специалистами постоянно вели обследование дамбы, проверяя её текущее состояние и динамику изменений. Кроме того, мы подняли исходную документацию, по которой должны были строить дамбу и нашли множество нарушений, что закладывало основу будущей катастрофы.

Стрелецкий не спешил, потому что каждое сказанное слово должно было достигать до сознания людей, сидящих в вагончике, быть не просто услышанным, но понятым, чтобы всё, сказанное далее, воспринималось без упрёков в некомпетентности. Это не школьное собрание и не кружок в доме пионеров, здесь сидят люди, прошедшие войну и суровую школу восстановления города после страшных разрушений. Они готовы работать, не жалея сил, а вот сдаться и отойти в сторону, не могут, не заложено в них такое. Не потому, что упёртые, а потому что не приучены сдаваться.

– Сапёры подтверждают многолетние жалобы жителей Куренёвки на то, что дамба пропускает воду, то есть не представляет из себя монолита. Хуже того, из-за нарушений проекта дренажная система не справляется с отводом осветлён-

ной воды после спуска пульпы. Причины? Причин множество, в основе их сложившаяся практика нарушения технологии. Пульпу нужно подавать по трубам только с апреля по декабрь, однако работы велись круглый год.

– Позвольте, а что же кирпичным заводам простаивать? – прозвучал возмущённый голос с места. – Город строится, городу нужен кирпич, мы не можем простаивать с декабря по апрель из-за недостатка кирпича! Нас за это по головке не поглядят! Сами ведь требуете цифры в отчётах, чтобы показывать постоянный рост количества построенного жилья!

– Да, товарищи, это действительно так, но суровая правда жизни говорит, что за всё приходится платить. Перерывы нужно было делать не только с декабря по апрель, но и в процессе слива, чтобы пульпа успевала оседать, отдавая воду. По факту вместо монолита мы сейчас имеем жидкое болото, осушить которое быстро не получится, потому что на смерть забита дренажная система, которую не чистят неизвестно сколько времени. Насосные станции работают на износ и даже с учётом того, что удалось остановить демонтаж одной из них, они не справляются со своей задачей – пульпа остаётся жидкой. Сапёры утверждают, дамба на пределе, любая неожиданная нагрузка и она начнёт разрушаться. Пока что погода нас не радует, продолжая подогреть дамбу, но по нашим расчётам есть время, чтобы минимизировать ущерб. К завтрашнему вечеру ни возле дамбы, ни в её

окрестностях не должно остаться ни одной единицы техники, ни одного человека. Мы объявляем полную эвакуацию!

– Знаю я эти прогнозы, – возмутился начальник строительного управления №6. – Сапёр привык взрывать, работать по-быстрому, абы как, лишь бы танки прошли. Что он может понимать в долговременных капитальных сооружениях, Игнат Григорьевич? Вы же сами строитель, должны понимать, что такие прогнозы нужно делить на десять, а то и на сто, это ведь голимая перестраховка! Считаю, нужно лить бетон, пока есть возможность, но убрать от дамбы всё и всех лишних. Пока они там свои прогнозы считают, мы нарастим стену ещё метров на семь, а то и десять!

– Потап Николаевич, понимаю ваши сомнения, но сейчас мы собрались не для того, чтобы обсуждать варианты. Земляная дамба, не имеющая бетонного основания, находится в состоянии густого киселя. Вопрос не стоит рванёт или не рванёт, а когда именно рванёт и успеем ли мы убрать хвосты, чтобы нам их не прищемило, – с чувством ответил Стрелецкий. – Владимир Васильевич, скажите своё слово!

Щербицкий не спешил выступать, вспоминая, как жена поутру провожала его на работу, словно чувствуя неладное. Смахивала несуществующие пылинки с пиджака, в глаза заглядывала, будто прощаясь. Пришлось даже пошутить, чтобы даже не рассчитывала от него избавиться. Обиделась, но сразу же забыла об этом, прижавшись к нему всем телом. Столько лет прожили вместе, а чувства не угасли, друг без

друга жизни не мыслят. И секретов у них меж собой нет, от того и тревога Ниточки, как ласково называл он свою Ариадну, была понятна.

Не давал ему покоя и разговор с Брежневым, заронившем в душу сомнение, правильно ли он понимает своё место в этой жизни? Считалось, служение народу, следование воле партии, честность и принципиальность – вот опорные точки настоящего коммуниста. А выходит, что жизнь с высоты московского Кремля выглядит совсем иначе, прозаичнее, приземлённее, циничнее. Служить нужно не народу, а тем, в чьих руках власть, потому что от них зависит твоё будущее.

Подгорный однозначно подставил его, решив убить двух зайцев сразу – показать собственную значимость и избавиться от быстро набирающего популярность конкурента. Задним числом выяснится, что он был категорически против строительства защитных сооружений, но Щербицкий своим волевым, а точнее, волюнтаристским решением поставил на грань развала строительную отрасль столицы Украины.

Именно волюнтаризм, то есть сильное желание Щербицкого прийти к определённой цели, игнорируя здравый смысл, окружающую действительность, личные возможности и вероятные последствия. А ведь мы его предупреждали, будет говорить Подгорный с высокой трибуны, выступая с осуждением, как это было принято в сталинские годы. Да, чего уж там в сталинские, ничего, по большому счёту, не изменилось и сейчас. Не имеет значения, что именно ты сде-

лал, важно, что по этому поводу скажут в Политбюро и лично Никита Сергеевич.

Он посмотрел на часы. До последнего дня осталось меньше суток, – подумал он. – Мы сейчас, как бойцы, захватившие плацдарм на узенькой полоске вражеской земли у реки. Обратно хода нет, а перед ними целая армия, готовая стереть их с лица земли. Они в минуту затишья чистят оружие, снаряжают магазины автоматов и пулемётов, пересчитывают оставшиеся гранаты, даже не подозревая, какая махина готова на них обрушиться с минуты на минуту. Приказа отступить нет, потому что этот приказ может отдать только генерал, а генерал пока молчит, размышляя о смысле жизни.

– Игнат Григорьевич, какая сейчас надёжная высота защитного сооружения? – спросил Щербицкий, продолжая размышлять о возможности как-то нивелировать провал.

– Двенадцать метров, Владимир Васильевич, – моментально ответил Стрелецкий, держащий всё, относящееся к стройке, в голове. – Еще три метра схватываются, к утру можно поднять ещё на три, в крайнем случае на пять, если усилить опалубку, но следующий бетон класть нет смысла, раздавит предыдущий слой.

– То есть максимум, что мы успеем к завтрашнему вечеру, восемнадцать метров надёжного бетона? – уточнил Щербицкий.

– Владимир Васильевич, слово «надёжный», к тому что уже сделано, можно применить достаточно условно, – по-

морщился, словно откусив лимона, Стрелецкий. – Бетон набирает прочность двадцать восемь суток, за раз нельзя заливать больше одного-двух метров, а мы льём, едва схватится предыдущий слой. Бетонная масса полна пустот, потому что её невозможно перелопатить, слишком большие объёмы.

– То есть вся наша работа не более, чем филькина грамота, коту под хвост? – удивился Щербицкий, не ожидавший от главного строителя подобной откровенности.

– Нет, не филькина грамота, – возмутился Стрелецкий, поймав общее настроение присутствующих на заседании строителей. – Основание укреплено сваями...

– Вы что, вбивали сваи в грунт? – вскинулся Щербицкий, представив, как на это могла отреагировать земляная дамба.

– Нет, Владимир Васильевич, – хмыкнул понимающе Стрелецкий. – Бурили скважины и закладывали сваи осторожно, чтобы не потревожить дамбу. Без этого, случись прорыв, наше сооружение пройдёт тараном по Куренёвке. Да и по ходу заливки добавляли такие же вертикальные стяжки из свай, так что сразу не сломает, посопротивляется наша стеночка, – уверенно заявил он, кинув взгляд на других строителей, согласно кивавших его словам.

– Высота земляной дамбы сорок метров, у нас надёжный щит восемнадцать, а нужно хотя бы метров тридцать, – задумчиво рассуждал Щербицкий, мысленно представляя себе огромную массу, которая с утра тринадцатого марта, возможно, обрушится на их сооружение. – Что мы ещё мо-

жем сделать, товарищи, чтобы снизить риск катастрофы? Не убрать его совершенно, это невозможно, но минимизировать последствия, удержать основную массу, – уточнил он задачу.

Люди молчали, но не было уже в этом молчании тягостного ощущения безнадёжности, люди думали, вспоминали собственный опыт, прикидывали, что из этого можно применить здесь. Тишина не угнетала, а вдохновляла, как это и бывает, когда за одним столом собирается много людей думающих продуктивно в одном направлении. Не плачущих о проблемах, не жалующихся на жизнь, не ищущих отговорок, а нацеленных на то, чтобы победить врага.

– Позвольте высказать мнение, Владимир Васильевич, – подал голос человек в военной форме, молчавший до сей поры.

– Говорите, – кивнул Щербицкий, пытаясь вспомнить, кто этот человек. – Вы у нас...

– Подполковник Подкова Семён Гаврилович, инженерные войска, – представился тот по-военному чётко.

– Слушаем вас, Семён Гаврилович, – с надеждой в голосе произнёс Щербицкий.

Он почему-то сразу почувствовал, что именно этот человек знает нечто такое, о чём другие и думать не могут, какое-то совершенно неожиданное решение, которое не может прийти в голову людям, посвятившим свою жизнь тому, чтобы строить, создавать, поднимать из разрухи новые дома и заводы. У военных есть свой взгляд на любые события, они

иначе видят то, что их окружает, рассматривая дома, как места опорных пунктов или мишени для бомбометания. Если они что-то и строят, то времянки для быстрого продвижения войск.

– Мы говорим о том, что высота дамбы и защитного сооружения несоизмеримы, – медленно, стараясь не спешить с изложением идеи, произнёс сапёр. – Также мы считаем, какой силы будет удар, если дамба разом рухнет, обрушив на Куренёвку всю массу пульпы. А если нам не ждать самопроизвольного вскрытия нарыва, а немного помочь ему?

– Помочь? Как? Палкой дырочку поковырять? Или взорвать? Не дай бог, от такого вся дамба разом рухнет! Нашу стенку сметёт сразу, и никакие сваи не удержат! Вам бы только ломать, – зароптали строители, бросая неприязненные взгляды на военного.

– Любое укрепление лучше вскрыть самому, чем ждать, пока это сделает противник, – спокойно пояснил подполковник. – Лучше управлять событием, чем ждать, когда оно решит по нам ударить.

– Предлагаете взорвать дамбу? – удивился Стрелецкий. – Извините, Семён Гаврилович, но что это меняет с точки зрения силы удара? Дамба рухнет точно так же, сметёт наше сооружение, не набравшее прочности, а дальше можно только предполагать, что из этого получится, но точно ничего хорошего. Давайте думать как-то в сторону строительных решений, а не разрушительных, – потребовал он, кинув быстрый

взгляд на Щербицкого, словно ожидая от того поддержки. – Наше дело – строить, а не разрушать!

– Не взорвать, Игнат Григорьевич, а сделать отвод для снятия напряжения и уровня пульпы, – спокойно ответил подполковник. – Сейчас у нас между дамбой и защитным сооружением образовался карман длиной в триста метров. Надёжная высота защиты от восемнадцати до двадцати одного метра. Если направленным взрывом проделать брешь в дамбе на уровне восемнадцати-двадцати метров, мы плавно сольём чуть ли не половину объёма, давящего на дамбу и, возможно, избежим её прорыва.

Щербицкий переглянулся со Стрелецким, тот пристально посмотрел на строителей, ошарашенных столь неожиданным предложением. Не строить, наплевав на то, что получится непонятно что, зато много, а использовать то, что есть на текущий момент, как большое корыто для гноя, то есть жидких составляющих пульпы.

– А вы можете гарантировать, Семён Гаврилович, что ваши направленные взрывы не сметут саму дамбу ко всем чертям? – сухо спросил Щербицкий, понимая, что и в этом случае решение придётся принимать ему.

Никто, будучи в здравом уме, не подпишется под таким решением. Взрыв – это сама по себе катастрофа, удар по дамбе, доживающей последние часы, многотонной кувалдой. Один шанс из тысячи, что предложенное подполковником сработает с хирургической точностью, потому что никак не

получится понять, где у этой проклятой плотины слабое место.

Нет такого аппарата, который смог бы заглянуть в земляную толщу и подсказать с уверенностью, куда заложить заряды. И направленность, насколько он понимал процесс, понятие условное, говорящее о том, что взрывную волну направят в каком-то определённом направлении. Но это точно не буравчик, практически безболезненно высверливающий дырку в любой среде. Буравчик...

– Игнат Григорьевич, вы говорили, что под сваи бурили грунт? – загоревшись внезапной идеей, спросил он у главного строителя.

Тот кивнул, глядя на Щербицкого с недоумением.

– А могут эти ваши машины бурить горизонтально? И какого размера получается канал при этом?

– Горизонтально? В принципе, если загнать их на горку, угол позволяет... вы хотите бурить дамбу? – с беспокойством в голосе спросил Стрелецкий. – Но ведь тогда те, кто будут на острие удара, смертники!

– А вот тут нам как раз и поможет армия, – улыбнулся Щербицкий, почувствовав зарождающуюся надежду на успех. – Вы ведь сможете, Семён Гаврилович, заложить заряд в канал, который пробурят строители? – практически не сомневаясь в ответе, спросил он у сапёра.

– Без проблем, – тотчас кивнул подполковник, моментально понявший идею.

Не направленный взрыв, который пятьдесят на пятьдесят вскрыет дамбу или целиком разрушит её, а скромный хлопок, вскрывающий небольшую пробку у самого выхода во внутреннюю полость дамбы. Дело за малым – загнать бурильные машины на верхотуру, пробурить скважины и заложить строго отмеренную порцию взрывчатки, которую можно взорвать, когда все покинут опасную зону.

– Товарищи, предлагаю сразу обсудить все возможные проблемы, чтобы потом не хвататься за сердце, – азартно предложил Щербицкий, ободрённый картиной, нарисованной его воображением.

– Не совсем понимаю, как мы нашими бурильными установками будем делать горизонтальную скважину, – высказал сомнение начальник одного из строительных участков. – Там ведь вся технология рассчитана на то, что труба висит, а не лежит, – пояснил он. – Да и сколько нужно будет бетонита загнать в такую скважину? Это же земля с водой, стенки нужно уплотнять по максимуму! И самое главное, что нам даст прокол в двести миллиметров? Сколько нужно будет ждать, пока уровень пульпы понизится до безопасного?

– Установок двадцать, мы можем превратить дамбу в дуршлаг, – возразил ему другой мастер. – Другое дело, что пульпа, скорее всего, забьёт эти проколы очень быстро. Овчинка выделки не стоит! Опять же потревожим дамбу взрывами, спровоцируем её разрушение, получим как раз то, чего опасаемся!

– Но должно ведь быть какое-то решение, товарищи, – едва сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, горячо спросил Щербицкий. – Не верю, что нельзя безопасным способом прорубить брешь в дамбе! Не верю и всё тут! Вы специалисты с многолетним стажем, на вашем веку всякое бывало, вы просто обязаны найти такое решение, которое позволит решить задачу с минимальными потерями! Давайте подумаем, как нам разрубить этот Гордиев узел?

– Разрешите, Владимир Васильевич, – снова поднял руку, как ученик в классе, полковник Подкова.

– Говорите, Семён Гаврилович, – разрешил Щербицкий.

– У нас ведь не стоит задача сохранения целостности дамбы, если я правильно понимаю поставленную задачу? – задал полковник неожиданный вопрос.

– Целостности? В каком смысле, Семён Гаврилович? Надеюсь, вы не предлагаете нам взорвать её целиком? – осторожно поинтересовался Стрелецкий, представляя, что именно могут сделать сапёры, заложив фугасы на дамбе.

– Именно так, Игнат Григорьевич, взорвать, – тотчас же подтвердил его сомнения полковник. – Но взорвать по-умному, прорубить, как предлагает Владимир Васильевич, брешь в дамбе. Строго дозированную брешь, через которую пульпа и перетечёт в нашу ловушку. Это не скважина, брешь сама по себе не закроется, отработает столько, сколько нужно, и ваши бурильные установки будут работать в комфортных условиях, то есть пробурят нужное количество вертикаль-

ных скважин, — пояснил он суть своей идеи.

— Предлагаете сделать цепочку скважин, заложить заряды и взорвать их, чтобы выкусить из дамбы небольшой кусок? — прищурившись, спросил Стрелецкий, уже начиная прикидывать расстановку техники и время, необходимое для производства работ.

— Так точно, Игнат Григорьевич, именно выкусить, — подтвердил полковник. — Постараемся рассчитать заряды так, чтобы не затронуть всю дамбу. И не придётся ждать, пока бетонит в скважинах схватится, нам это только во вред пойдёт — быстро вертим дырки, закладываем заряды, убираем людей и технику, взрываем!

— Сработает? — Щербицкий пристально посмотрел на Стрелецкого, затем окинул пристальным взглядом строителей. — Не стесняемся, товарищи, если есть сомнения, вываливайте их сразу, не дожидаясь последствий! На мой взгляд, идея здравая, но я не строитель, мне нужно ваше мнение, товарищи!

Мастера переглянулись и слово за словом разгорелась бурная дискуссия, включающая в себя и перлы русского языка, из которого и состоит основная часть строительного разговорного. Потому что не будешь долго и приторно вежливо рассказывать стропальщику о криво закреплённом тросе, если прямо сейчас груз, поднимаемый краном, свалится на головы работагам. Как говорят в таких случаях, не хочу говорить долго, поэтому расскажу матом. Но главное, лица у

людей светлели, теория быстро переходила в практическую плоскость, обсуждалась не возможность подобного подхода, а способы оптимальной реализации задуманного. Техника, материалы, люди, сроки, эвакуация.

– Товарищи, давайте вернёмся к нашему вопросу в практической плоскости, – постучав по столу кулаком, крикнул Щербицкий. – Вижу, идея живая, правильная, – подвёл он итог их спорам. – Игнат Григорьевич, как считаете, из сказанного уже можно составить план действий, чтобы нам уложиться в сжатые сроки?

– Думаю, можно, – осторожно ответил Стрелецкий, словно идея ему одновременно пришла по душе и вызывала опасение.

– Тогда давайте работать над планом, – приказал он, пристально глядя в глаза Стрелецкому, пытаясь понять, что его гложет.

Не должно быть в людях, которым он доверяет, сомнений в его приказах. Должны они работать изо всех сил, получив указание, что именно им предстоит сделать. Потому что ответственность лежит исключительно на нём, как метко подметил друг Лёня, ехидничая, что Подгорный его ловко подставил.

И пусть потом говорят, что Щербицкий превысил полномочия, приказав взорвать вполне себе надёжное сооружение, подвергнув неоправданному риску советских людей. Сейчас важно любой ценой снять опасность катастрофы, превра-

тить её в управляемый процесс, описав позднее в прессе, как несомненную победу советских строителей, ведомых волей партии к победе.

Пусть это и пойдёт на пользу Подгорному, который не упустит шанса примазаться к их победе, тотчас заявив, что всем сердцем и душой болел за успешное решение проблемы, всячески помогая Щербицкому в его работе. Пусть появятся задним числом приказы и резолюции, доказывающие роль партии или лично Подгорного в этой победе. Сейчас, когда на кону человеческие жизни, значение имеет только устранение угрозы и решение, похоже, у них есть.

— Товарищи, благодаря предложению подполковника Подковы, у нас сейчас есть уникальная возможность разрешения проблемы максимально безболезненным способом. Мы вскрыем это гнойник совместными усилиями, приложив к этому все силы. Прошу вас, Игнат Григорьевич, разработать детальный план и приступить к его исполнению немедленно, не дожидаясь никаких дополнительных указаний.

И снова тишина. Проклятая тишина, говорящая о том, что любая, даже самая прекрасная идея, должна иметь автора, инициатора, того, кого можно будет наказать в случае неудачи. Никто не хотел быть крайним, делая что-то по устному приказанию. Не война, в которой рулят натиск и быстрота, мирная жизнь, где правят бал бумаги с конкретными подписями.

— Приказ о данном мероприятии с приложением деталь-

ного плана принесёте мне на подпись, Игнат Григорьевич, сразу же, как будет готов, – уточнил Щербицкий, видя, как расслабляются лица строителей, вернувшихся в привычную среду.

Есть приказ и можно в бой, потому что там от тебя требуется применять опыт, силу, знания, а не способность принимать решения и отвечать за последствия. Будет приказ, значит, они могут гонять своих работяг в хвост и гриву, точно зная, кто будет в ответе, если дамба рухнет в результате их действий. Они исполнители, хорошие, ценные, грамотные, но исполнители, – с сожалением подумал Щербицкий.

– За работу, товарищи, не будем терять ни минуты, – приказал он, вставая из-за стола. – Я в своём кабинете, жду приказа и плана, – напомнил он Стрелецкому прежде, чем покинуть вагончик.

Возможно, тринадцатое марта не станет последним днём ни для жителей Куренёвки, ни для него самого. Неожиданное решение грело душу, будто уже всё было сделано и осталось, фигурально выражаясь, только поджечь шнур. Он уже представлял, как из пробитой бреши начинает с рёвом хлестать поток бурой жижи, заполняя огромное корыто, образованное их ударным трудом и стеной полуразрушенной дамбы. Усмирённая ярость стихии, превращающаяся в камень под палящими лучами мартовского солнышка. Уже не несущая опасности, превратившаяся из угрозы в строительный материал.

Он вышел на свежий воздух, вдохнув полной грудью и уже не глядя на солнце, как на непримиримого врага. Остановился и посмотрел на дамбу, нависающую над людьми, пытающимися укротить её гнев. Неподвижная, тихая, спокойная, почти величественная, как лев, только что сожравший на обед добрую порцию кровавого мяса. И именно это спокойствие пугает сильнее любого грохота. Потому что самые страшные плотины никогда не трещат заранее. Они молчат.

Но сейчас в нём гораздо больше уверенности, что они найдут управу на хищника, обломают ему зубы, загонят в клетку, превратив из угрозы в послушную игрушку. И сейчас не имеет значения, что по поводу сделанного им скажет Москва, потому что он следовал зову совести, приказывающей в первую очередь думать о людях, а не о себе. Мы всё сделали правильно, – мысленно проговорил он.

Вот теперь можно и на рабочее место поехать, чтобы в тишине и относительном спокойствии, имея столь неординарное решение проблемы, разгрести завал бумаг, накопившихся из-за его занятости дамбой. Почему-то он знал наверняка, всё будет хорошо! Дамба рухнет, обязательно рухнет, но не сама по себе, а... ведомая направляющей рукой партии, – мысленно пошутил он, даже не думая произносить подобную крамолу вслух.

Неожиданный поворот

Суббота, 11.03.1961, ясли, Светлогорск

Проверяющие достаточно быстро пробежались по палате и скрылись, оставив после себя атмосферу раздражения и возмущения. Няньки, которых построили и выпороли в переносном смысле этого слова, чувствовали невысказанную обиду и изливали её на ничего не понимающую мелкоту. В том и польза от этой мелкоты, что с ними можно вести себя как угодно, они ведь ничего не соображают, ничего не понимают, никому не расскажут, что услышали. Только тон делай поласковой, а там хоть матерись в голос, ребёнку без разницы, он на слова не реагирует.

Но один всё-таки слышит, понимает, да и рассказать может той же заведующей, но не станет, потому что недовольная нянька, затаившая обиду – это бомба замедленного действия, рванёт в самый неподходящий момент, выплеснув накопившееся непредсказуемым образом. Нянек в ясли и детские сады нужно отбирать круче, чем человека в космос, потому что им доверяют самое ценное – будущее нации! Но кто же о таком думает, если постоянно кадров не хватает. Пришла? Руки-ноги есть? Соображаловка работает? Иди, вкалывай! Чай не великий секрет, как пелёнки у малых менять? Вот и вкалывают в меру способностей, а потом спрашиваем, откуда проблемы растут?

– Припёрлись... командуют... будто мы сами не знаем, как и что делать... а эта баба... и мужики при ней, как болванчики... докопалась, почему пыль на подоконнике... а я не уборщица, мне за это не платят... нажалуется Виолетте, а та на нас отыграется... хорошо им там в РОНО сидеть, тепло, светло и никому задницы подтирать не нужно... указывать она нам будет как работать...

И бу-бу-бу, жу-жу-жу, р-р-р-р-р, словно рой недовольных мамонтов летает над кроватками, рискуя обрушиться всей массой на беззащитные тела подопечных. Но сейчас не это важно, самое время попробовать в общей суете говорить через транслятор, не открывая рта. Люба, солнце моё, ты же получила хороший заряд, пока мне попу подтирала? Вот и иди в мои лапки загребущие! Образ... контакт... синхронизация... захват... есть контакт! Отойди в сторонку... встань у окошка, будто решила отдохнуть... умница, а теперь...

– Пгды стать как-как-как, – неожиданно громко пискнула Люба.

М-да, прямо как в анекдоте про поручика Ржевского, который вышел на балкон и крикнул во весь голос «Утро-то какое сегодня замечательное!», а эхо привычно ответило: «Мать... мать... мать...». Тщательнее нужно, товарищ маг, проговаривать слова, передавая их реципиенту мысленно. Тщательнее! Представь всю фразу, каждую букву, каждый звук и проговори её, не пролетая над ней со скоростью самолёта, а неспешно шагая, контролируя каждый звук, каждую

интонацию.

Ну, вот, привлекла внимание своим писком! Нужно срочно исправлять неловкую ситуацию!

– Погода, го-во-рю, стоит-т-т хо-ро-ш-ш-ш-ая, – обернувшись к застывшим от изумления нянькам, совершенно безликим тоном повторила Люба.

Чёрт-чёрт-чёрт, ну, не так же тщательно, не облизывая каждую букву, не разделяя каждый слог! Проговаривать так, будто мысленно вслух с чувством читаешь интересную книгу, а не голосом бездушного робота, осваивающего азы вербальных коммуникаций.

– Хватить уже кудахтать, – почти живым голосом, рявкнула Люба. – Ну, пришли и пришли! Никого ведь не арестовали?

Няньки переглянулись, кто-то незаметно покрутил пальцем у виска, намекая, что у Любы крыша поехала от переживаний, другие зашушукались, бросая любопытные взгляды на стоящую столбом девушку. Неподвижно стоящую, выговаривающую им, как сержант новобранцам, словно она тут старшая, а они в чём-то перед ней провинились. Тяжело плыть в серной кислоте...

– Может, чайку попьём? – убавив контроль до минимума, вернув Любе способность управлять собой, но пока не решая говорить от себя, предложил я, стараясь по максимуму копировать манеру Любы.

Ну, в чём проблема говорить так, как другой человек?

Ага, сами попробуйте! Получилось? Нет, потому что мы никогда не прислушиваемся к чужому голосу, нам важна исключительно смысловая, информационная, для женщин чувственная составляющая сказанного собеседником. Но мы никогда не запоминаем, как именно он говорит, какие у него характерные особенности говорения, как при этом двигаются мимические мышцы, что делают при этом руки. Если вы не артист, вам незачем это подмечать, потому что вы не собираетесь использовать эту манеру говорения в жизни и работе, а вот для артиста это хлеб!

Девушки переглянулись, но не отказались от предложения Любы, потянулись к чайному столику в самом углу палаты. А мне самое время смыться из её сознания, пока они суетятся, бегают за кипятком на кухню, расставляют вазочки с вареньем и корзинки с баранками. Рвём связь, отпускаем Любу, предварительно осторожно усадив её на стул и слегка усыпив, чтобы возвращение в реальность не было слишком жёстким.

Уф-ф-ф, словно вагон с цементом разгрузил, а всего-то провёл маленький, можно сказать, крохотный эксперимент. Но, как там говорили герои-астронавты на съёмочной площадке Голливуда про свои лунные приключения? Это маленький шаг для человека, но большой шаг для всего человечества! Вот умеют же продать идею, гады! Летать в космос

не получается, но снимать кино научились прекрасно, благодаря Стэнли Кубрику!

Не знаю, для чего был нужен спектакль с проверкой, но взбодрил он меня конкретно, аж весь сон разом пропал. Мне бы прямо сейчас с Шелепиным поговорить, пока азарт не пропал и адреналин из крови не испарился. Ух бы я ему задал жару, ух бы я его погонял по стенам, нагоняя жути! За такую самодеятельность нужно наказывать! Кассандра вам не девочка-припевочка, а жёсткий и прагматичный циник, лишённый всего человеческого.

Поэтому наказывать буду жёстко, чтобы сразу отбить желание выступать против меня! Не хотите по-хорошему, будет вам как всегда! Шелепин... образ... контакт... синхронизация... уф-ф-ф, прошло, как по маслу, ни малейшего сбоя! А ведь была тайная мыслишка, что не поддастся такой человек воздействию, потому что... да, а почему, собственно говоря? Чем он отличается от прочих людей?

Сидит. Молчит. Медитирует на дверь, словно кого-то ждёт. Дверь открывается.

– Товарищ председатель, к вам посетитель, – рапортует дежурный офицер. – Поляков Михаил Иванович. Пускать?

– Конечно! Прямо сейчас, – буквально подскакивает на месте Шелепин и быстрыми шагами идёт навстречу старичку, похожему на всесоюзного старосту Калинина козлиной бородкой, очками в тонкой металлической оправе и общей сухостью фигуры. – Здравствуйте, дорогой Михаил Ивано-

вич, – он хватает того за руку и радостно трясёт её, выражая искреннее расположение к гостю. – Как добрались?

Старичок зажимает под мышкой какой-то футляр, явно опасаясь уронить его от такого активного проявления радости со стороны Шелепина. Несмотря на широкую улыбку выглядит он зажатым и настороженным, совершенно не радуясь встрече со столь могущественным человеком.

– Спасибо, Александр Николаевич, очень хорошо, – бодро сообщает он. – Военные подкинули своим бортом, – пояснил он. – Прямо как в войну! Вспомнилось всякое, но... фашистских мессеров не встретили, – наигранно хохотнул он, пытаясь как-то скрыть собственный страх.

Да ты на короткой ноге с нашим главным героем, Михаил Иванович? Боишься, но не показываешь виду, стало быть не в первый раз видишь перед собой председателя КГБ. Когда-то пересекались, что-то обсуждали, было у вас какое-то общее дело. Ну, что же, добавим и тебя в мою коллекцию. Даже не вздрогнул! Вот это выдержка у человека! Или Шелепин так ему ладошку сжал, что он сейчас и перелома не почувствует?

– Отлично, Михаил Иванович! Привезли то, что я просил?

– Не буду уверять, что это именно то, что вам нужно, Александр Николаевич, – ответил старичок, осторожно опустившись на стул и положив на стол кожаный футляр, покрытый странными письменами. – Сами понимаете, прове-

рить его было не на ком, но в описании к нему сказано, что способен гасить любое внешнее воздействие на человека!

Что-о-о-о-о? Какое внешнее воздействие? Зачем гасить? Это что за штукавина такая?

– Покажите мне его, – приказывает Шелепин, не скрывая нетерпения. – Заодно и проверим, – пообещал он.

И как ты собираешься это проверить, Александр Николаевич? Судя по озадаченному выражению лица, старичок задаётся тем же вопросом: оглядывается по сторонам, надеясь увидеть испытуемого, пристально смотрит на Шелепина, ожидая подсказки, но никак не находит искомого и от этого начинает чувствовать себя неуверенно.

– Александр Николаевич, вы должны понимать, что всё это на совести немецких исследователей непознанного, – старается откреститься от возможностей того, что скрывается в футляре старичок. – Вы действуете на свой страх и риск, сами оцениваете степень его пригодности к тому, что вам нужно! А на ком мы собираемся это испытывать?

Не удержался от вопроса, понимая, что человек на столь значимой должности не будет вызывать его из Москвы, чтобы просто посмотреть на вещицу из спецархива, ради удовлетворения собственного любопытства. Должно быть очень важное дело, стоящее того, чтобы отправить поднять его среди ночи, погнать в институт и заняться поисками именно этого предмета. И вот он сидит перед председателем КГБ в каком-то заштатном городке, о существовании которого ещё

вчера даже не подозревал, а причины этой суеты понять не может, от этого глаза тревожные и движения несколько су-етливые.

– Именно так, дорогой Михаил Иванович, именно так, – улыбаясь во весь рот, подтвердил Шелепин. – Ну же, не тяните время, я хочу его видеть! На ком проверить найдём, обязательно найдём, но позже, – пообещал он, не скрывая жгучего интереса к предмету в странном футляре, словно все детали предстоящего эксперимента уже были в его голове.

Старичок проводит пальцами по боковой грани футляра, словно нащупывая замки, затем нажимает на символы в определённом, только ему известном порядке и створки распахиваются, открывая взору... Чёрт, что это было? Успел ухватить угасающим взором Шелепина кусок серого гранита, отполированного до зеркального блеска и покрытого такими же странными символами, как и на самом футляре, а потом всё пропало! Всё! Контакт разорвался. Шелепин и его собеседник напрочь выпали из этого мира, словно никогда не существовали вовсе.

Эта штуковина взорвалась, убив обоих на месте? Старик неоднократно проделывал этот фокус с раскрытием футляра, судя по привычным движениям пальцев. Сотни, а то и тысячи раз он открывал и закрывал футляр, так и не найдя способа проверить возможности этой штуковины. А именно сейчас она сработала самым неожиданным образом, уничтожив тех, кто по собственной дурости принял её за игрушку.

Вариант? Бред! Если штуковина взорвалась, то это было сделано намеренно, хотя и непонятно, кто стоит за этим подрывом. Ну, не похож старик на террориста-смертника, готового во имя каких-то высоких целей пожертвовать собой. А выводы из случившегося напрашиваются однозначные – Кассандра выманила Шелепина в Светлогорск, а затем следующий покорный её воле исполнитель уничтожил цель, обезглавив КГБ.

Нет, не верю, такого просто не может быть, потому что я к этому непричастен, а других людей, обладающих такой же способностью, могу перечислить по пальцу одной руки! Сбой соединения? С Нинкой такое бывало и не раз, причину я так и не понял, но в качестве рабочей гипотезы принял слишком активное состояние нервной системы или наоборот заторможенность в результате приёма алкоголя. Но сидящие в кабинете не выглядели излишне возбуждёнными, да и водочкой не баловались. Но пропали оба и разом! Может что-то у меня сломалось? Опять предохранители вышибло в самый неподходящий момент?

Быстрая проверка... полковник Пашутин... образ... контакт... не нужно синхронизации... обычный контакт... что-то пишет в тетради... аккуратист и почерк каллиграфический. Контакт есть! Полковник совершенно спокоен, то есть никакого взрыва в управлении не было, иначе бы тут все по стенам бегали.

Шелепин... образ... тишина... Шелепин... образ... ти-

шина мёртвая... Или это именно то, что старичок называл прерыванием любого внешнего воздействия! Шелепину привезли идеальный блокиратор? Старик... образ... Калинин... образ... тишина... Стало быть, сейчас они оба под колпаком блокиратора, и я не смогу к ним пробиться? Ай да Александр Николаевич, ай да сукин сын! Как только начал подозревать что-то неладное с убийством в кабинете начальника ГУВД, сразу же заказал этот самый артефакт, который пылился в закромах КГБ со времён разгрома фашистской Германии.

Может и не знал о его существовании, но нашёл, кому задать правильный вопрос, и получил не только ответ, но и способ избавиться от моего навязчивого присутствия. Если несколько минут назад я считал, что держу его за... бороду, то сейчас понятно, что он обязательно проверит действие артефакта на полковнике во время нашей беседы. Сейчас они просто любят изящной безделицей, только предполагая, что она может сделать, но совсем скоро будут точно знать – это надёжный способ защиты ключевой фигуры от любого внешнего воздействия.

Так что не видать мне Хрущёва, Кеннеди и прочих мировых лидеров как своих ушей! Не пропустит меня хитровыдуманный Александр Николаевич к телу вождя, будет держать всё под контролем, поставив меня перед простым выбором – отвалить тихо или согласиться работать на таких условиях. Так что не судьба мне рулить миром, остаётся выступать в

роли оракула, предсказывая всякого рода неприятности, которые будут происходить с завидной регулярностью, благодаря в том числе и чуткому руководству партии, а также лично Никиты Сергеевича.

– Лёша, я тут ещё одну сумку с кремами принесла, – врывается диссонансом бодрый голос Аньки в моё похоронное настроение. – Зарядишь? А то девки в аптеке жалуются, уже очередь стоит, банки расхватывают, как горячие пирожки, – хихикнула девушка. – Ну, чего молчишь?

– Заряжу, конечно, – вздохнул я, принимая как кару небесную прозу жизни. – Нельзя обманывать ожидания клиентов, будем работать по-стахановски!

Нет, ну, а что ещё остаётся бедному магу, если его обломали в самых страстных его ожиданиях? И ведь всё шло так хорошо, я уже ступал на красную ковровую дорожку, ведущую к вершинам власти, но кто-то, не будем показывать пальцем, подкинул банановую кожуру мне под ноги и бац, прощай мировое господство, здравствуй, серая проза жизни! Обидно, аж плакать хочется, но мужики не плачут!

– Слушай, а чего это девки такие смурные? – сунув меня и сумку под кровать, поинтересовалась Анька. – Накосячили все сразу? Что я пропустила?

– Проверяющие из РОНО приходили, дали тут жару, вот они и переживают, что заведующая их взгреет за это, – по-

яснил я, задумчиво перебирая баночки.

Действие привычное, отработанное тысячу раз, не требующее моего участия: нащупал банку, толкнул заряд, отложил в сторону, нащупал... и так, пока все банки из сумки не переместятся на пол. Потом нянька сложит их обратно, это уже не моя забота, мне бы со своими проблемами справиться!

– А чего приходили-то? – удивилась Анька. – Сколько лет работаю, ни разу такого не видела! Кто-то из родителей жалобу накатал? Так, вроде не было скандалов, – негромко рассуждала она. – Не по твою ли душеньку, Лёша, та проверка?

Вот говорил же, умная Анька, аж зубы скрипят от её догадливости. На лету сложила факты и моментально сделала выводы. Нет здесь в яслях другой причины, для отправки проверяющих, использовали их, чтобы на меня посмотреть пристально. А ведь Анька не знает про москвичей и присутствие председателя КГБ в Светлогорске, для неё это всё продолжение хитрых замыслов местных силовиков.

– Может и по мою душу, – не стал я спорить с очевидным. – Но раскручивать ситуацию не стали, ко мне особо не рвались, сделали вид, что я ничем от прочих не отличаюсь. Так что не могу однозначно сказать, зачем им нужно было это делать. А вот девкам влетело по самое не балуй, нашли и пыль, и грязь, и детишек с грязными подгузниками.

– Может, пока не стоит с сумками бегать? – насторожилась Анька. – Вдруг это ОБХСС подсуетился? Решили глянуть на всех, взять на заметку, устроить слежку, а тут я ту-

да-сюда с сумками шастаю. Остановят, заставят показать, что несу, и спросят, а зачем я такую прорву кремов в ясли таскаю?

Логично, Аня, выглядит всё именно так, если только не знать, что плевать они хотели на эти мелкие шалости начинающих цеховиков. Им интересна Кассандра, вот они и ходят, жалом водят, принохиваясь ко всему подозрительному. И будут это делать со всеми, кто хоть как-то попал на подозрение. Со мной, мамой, заведующей, Ипполитом Петровичем. Если Аньку заложит какой доброжелатель, что она стала зависать у моей кровати, то и её возьмут под наблюдение.

Нет ничего невозможного, если в твоём распоряжении ресурс всего КГБ СССР. Да они тут весь город могут на уши поставить, прочесать его мелким гребнем, заставить каждого жителя признаться в убийстве Сталина, если таковое потребуется. Поневоле задумаешься лечь на дно, пока вся эта бодяга с Шелепиным не уляжется.

А она уляжется? Думаешь, Лёха, он тебя отпустит после такого разговора? Ты же прямым текстом заявил, что Кассандра не вымысел, подтвердил, что обладаешь способностями видеть будущее, объявил о готовности сотрудничать на своих условиях! И после этого питаешь надежды, что он забудет всё и укатит в Москву? Не такой он человек, чтобы играть на чужих условиях, его задача – найти тебя и заставить играть по своим правилам. Поэтому...

– Аня, давай на недельку остановимся, – согласился я. –

Скажешь Виолетте Николаевне, что будем действовать по варианту два через раз, она поймёт. Ты права, нужно затаиться на какое-то время, а там решим, что со всем этим делать!

Девушка кивнула, но ей моё предложение явно не понравилось. Да, она обеспокоилась безопасностью, но есть же великий и могучий я, который мизинцем левой ноги может решить любые проблемы. По её задумке, услышав её опасение, я должен был предложить крутой план, как заставить тот же ОБХСС пойти по ложному пути, оставив нас в покое. Но никак не останавливать волшебный конвейер, приносящий деньги каждый божий день.

Тем более что клиентов прорва, товар отличный, результат в прямом смысле этого слова налицо! Делай и продавай, гони продукцию вагонами, удовлетворяй растущие потребности советских женщин, получая за это солидное вознаграждение полновесным советским рублём! А тут «Давай остановимся!» как на полном ходу в бетонную стену врезаться.

Надо, Аня, надо, но совсем по другой причине, о которой тебе пока знать не следует. Точнее, не следует знать в полной мере. Пусть считает, что все проблемы от бизнеса с кремами, так мне спокойнее. Чего не знаешь, того не испугаешься и никому не расскажешь.

Осталось понять, кто именно их послал и с какой целью? Нелогично как-то получается, топорно всё, не очень похоже на действия опытных сыскарей, скорее на какую-то опера-

тивную комбинацию местных, решивших доказать москвичам, что они круче и сами с усами. Понять их можно, их ведь без всяких извинений просто отодвинули в сторону, низведя до уровня обслуживающего персонала. Вот и активничают на свою голову, суясь туда, куда им путь заказан.

Не оценит Александр Николаевич такой самостоятельности, не вписывается она в его планы, да и действовать он будет тоньше, умнее, чтобы не разрушить образовавшуюся между нами связь. Пусть он научился блокировать воздействие, но что это ему даст по большому счёту в свете развития нашего сотрудничества? Оборвать связь легко, а вот заново её восстановить будет непросто. Я ведь могу и другого кандидата на должность голоса Кассандры поискать, и он это отлично понимает.

Вечером у нас разговор, который важен для нас обоих, но есть опасность, что он постарается использовать его не для укрепления отношений, а для навязывания мне своих условий, продемонстрировав действие того самого блокиратора. Будет давить на сознательность, на важность моих способностей для советского народа и страны, на то, что он отвечает за безопасность первого лица государства и ни за что не допустит нашего прямого контакта.

По крайней мере, будь я на его месте, поступил бы точно так же. Если каждый прорицатель получит доступ к королю, конец всему, разброд и шатания, угроза жизни царствующей семье. А кто у нас нынче царствует? КПСС, если го-

ворить без лирики, просто и цинично. Не народ, не советская власть, а именно партия, взявшая в свои руки ту самую власть и никогда её из рук не выпускавшая.

Как при царе не верили, что рабочие и крестьяне могут сами управлять страной, так и при Ленине со Сталиным лозунг о кухарке, способной управлять страной, оказался идеологической конфеткой, растаявшей сразу же, как только партия взяла власть в свои руки. Оказалось, что управление государством – это не телегой править и не у парового молота стоять, выбивая дух из стальной болванки, нужны знания, умения, и, главное, огромное желание действительно управлять страной, а не отдельно взятым набором людей.

Хуже того, власть приносит с собой соблазны: возможность принимать решения за других, заставлять других исполнять твою волю, какой бы она ни была, получать то, что другим недоступно. Не каждый способен отделить зёрна от плевел, используя власть на пользу стране и народу, многие видят в ней лишь способ улучшения жизни для себя.

И для таких людей становятся крайне опасны другие, искренне верящие, что они должны служить народу, работать на благо государства, не жалея ни здоровья, ни жизни, заставляя всех кругом работать в таком же бешеном темпе, заряжая их собственным энтузиазмом и радуясь общим победам. И что делают с такими людьми, чтобы они не мешали другим наслаждаться плодами власти? Правильно, их сводят с дистанции, отправляя в лагеря, ссылки, ставя под стволы

расстрельной команды.

Могут ли оставшиеся способствовать построению коммунизма в стране Советов? Ответ на слуху, вот только произносить его вслух нельзя, потому что он противоречит принципам идеологии, в основе которых кристальная чистота партии. Не веришь в эти принципы? Значит, ты враг, а с врагами разговор короткий! И как с учётом всего выше сказанного менять жизнь государства к лучшему, если тебя постараются использовать исключительно для улучшения жизни отдельно взятых граждан?

За мыслями пролетел остаток дня, началась вечерняя суета. Что там со связью? Шелепин... образ... поиск... абонент не абонент... тишина в библиотеке... Михаил Иванович... образ... козлиная борода... поиск... контакт! Есть контакт! Дорогой ты наш человечество! Хорошо, что успел зацепить тебя в самый последний момент! Хотя что-то хорошее есть в этой жизни!

Чем он там занимается? Кушает? С Шелепиным? А почему...? Образ... поиск... есть контакт... Ага, просто не повезло, учёный первым «всплыл» из-под зонтика блокиратора. О чём болтаем? И где это мы? Ресторан? Хм, профессор обучает Шелепина пользоваться этой штуковиной? Эй, не надо баловаться! Зачем её включать? Давайте просто общаться, делиться тайнами, сперва вашими и без утайки, а потом, как получится! Блин, ну, вот так всегда, на самом интересном месте! Ну, зачем было эту штуковину активировать?

А вдруг она сломается?

– Так, Бардин, за тобой пришли, – слышу строгий голос Любы, выдёргивающей меня из кровати. – Мамка за тобой пришла, – сразу же уточняет она, словно подозревает, что есть и другие желающие забрать меня в свои застенки.

– Бу, – радостно подтверждаю я готовность немедленно отправиться домой.

Дома и стены помогают! Там мама, Машка – близкие люди, которые не будут думать, защищать им меня или нет. Сейчас главное – успеть к шести часам изобразить из себя спящего младенца, чтобы выйти на связь с очень важным для меня человеком. Сыграть в его игру и выиграть! Не для себя, для всех этих людей, которые верят, что счастливое будущее не за горами, что они своими глазами ещё при этой жизни наслаждаются плодами коммунизма. И я буду последней тварью, если не сделаю всё, от меня зависящее, чтобы их мечты не рассыпались прахом.

Тайны ушедшего

Суббота, 11.03.1961, ресторан «Заря», КГБ, Светлогорск

В ожидании совещания с коллегами, назначенного на пять часов вечера, Шелепин решил пообедать с гостем. Не в управлении, не в кабинете, где всё пропитано тайнами, страхами, угрозами, а в неформальной обстановке. Когда человек ест, он расслаблен, может позволить себе сказать лишнего, неправильно оценивает границы дозволенного, слабее реагирует на опасность. Недаром старая мудрость говорит о необходимости преломить хлеб с человеком, с которым собираешься поговорить о важном.

Его не покидало ощущение, что профессор был с ним не слишком откровенен при разговоре в кабинете, хотя внешне излучал радость и добродушие, готовность к сотрудничеству и полную открытость. Они не были знакомы ранее, не имели общих знакомых, поэтому Шелепин понимал истинную ценность этих чувств – страх. В глазах обычных людей подобные ему выглядят монстрами, обладающими безграничной властью над судьбами людей. Поэтому никто, пребывая в здравом уме, не позволит себе лишнего слова в разговоре, отчётливо понимая, к каким последствиям это может привести.

Обедали в отдельном кабинете ресторана «Заря», месте, где обычно принимали важных людей, которым не полага-

лось стоять в общей очереди и ждать, пока официант соизволит принести обед. Меню удивительно отличалось от привычного московского пикантностью и разнообразием, словно для них открыли закрома какой-то другой родины, более богатой, более урожайной, более свободной в выражении кулинарных способностей поваров. Хорошо живут, – отметил про себя Шелепин, отрезав небольшой кусочек от сочного куска мяса. – Слишком хорошо для такой провинции. Потом проверим на вшивость.

Профессор Поляков Михаил Иванович, сидящий напротив, чувствовал себя не в своей тарелке: глаза его бегали, руки вздрагивали от любого неожиданного шума, мясо стояло нетронутым, хотя гость явно был голоден, так как не успел нигде перекусить после длительного перелёта.

– Александр Николаевич, я бы не стал полагаться на эту... штуковину, – набравшись решимости, нарушил молчание Михаил Иванович.

Он отчётливо понимал, что не ради того, чтобы покорить, был приглашён на этот обед. От него ждут важной информации, и молчание может быть истолковано двояко. Непонимание сути или сокрытие важной информации. Молчать и говорить одинаково опасно, но из двух зол нужно выбрать ту, что больше понравится собеседнику.

– Почему? – без тени удивления спросил Шелепин, продолжая отрезать мясо и закидывать его в рот, испытывая при этом явное удовольствие от процесса. – Могут возникнуть

проблемы? – он посмотрел на Полякова с лёгкой улыбкой, слегка наклонив голову набок, словно посчитал его слова удачной шуткой.

Для доставки артефакта задействовали связи в среде учёных, работающих над самыми секретными проектами, использовали военную авиацию, считая дело важным для государства, а курьер в ранге профессора заявляет, что использовать доставленный артефакт бессмысленно или опасно.

– Вещь в себе, как и всё, что связано с этой организацией, – пояснил он свои опасения. – Не знаю, для чего её можно использовать на практике, но многое из их разработок не выходило за рамки удовлетворения любопытства исследователей!

Он помолчал, словно пытался нащупать безопасный брод в трясине откровений. Молчать нельзя и говорить опасно, потому что случайно ляпнешь что-то лишнее, истолкуют неправильно и прощай свобода.

– Честно говоря, я бы не решился назвать этих фанатиков исследователями, – осторожно добавил он после небольшой паузы.

– Михаил Иванович, даже не собираюсь с вами спорить, вы – учёный с мировым именем, я обычный смертный, – пошутил Шелепин.

Собеседник осторожно улыбнулся шутке, будучи не совсем уверенным, что в подобных обстоятельствах это удобно. Но шутка ему явно не понравилась. Артефакт нельзя

объяснить физикой, химией или геометрией, он, скорее, из области мистики. Учитывая, что мистика, эзотерика совершенно не по части НКВД, точнее, уже КГБ, нужно осторожно подбирать слова. Им привычнее то, что можно применить на практике, использовать в обиходе, подсунуть врагу, чтобы причинить ему вред.

– Но зачем-то этот кусок гранита был им нужен? Не ради красоты они его отполировали и нанесли надписи? – подтолкнул разговор в нужную ему сторону Шелепин.

– Да, надписи, – пожевав губу, повторил профессор, – на каком-то мёртвом языке. Древнеиндийском или шумерском, никто толком не знает. В них есть какой-то смысл, но это не более, чем гадания на кофейной гуще. В документах Ане-нербе расшифровки не обнаружено. То ли немцы точно так же зашли в тупик с расшифровкой надписей, то ли результат хранился в блокноте одного из исследователей, успевшего сбежать на Запад.

– А назначение? Они ведь для чего-то его использовали? В вопросе Шелепина звучало плохо скрываемое нетерпение, ему не нравилась непонятная сдержанность профессора в вопросе, из-за которого его выдернули из Москвы в эту тьму-таракань.

– Назначение? Да, назначение указано, – Поляков сдёрнул очки с носа и начал тщательно протирать запотевшие стёкла салфеткой. – Немцы использовали его для прерывания внешнего воздействия.

Он снова замолчал, словно ожидая реакции собеседника на сказанное.

– Какое внешнее воздействие, Михаил Иванович? – терпеливо спросил Шелепин. – Пулю в воздухе останавливает? Нож сгибает? Нападающего лишает силы?

– Мысленного воздействия, – тотчас уточнил профессор, уловив недовольство в голосе собеседника.

На несколько секунд в кабинете стало тихо. Шелепин отложил вилку и нож, тщательно обтёр губы белоснежной салфеткой, продолжая при этом пристально смотреть на профессора. Не ко времени проснувшаяся жирная зелёная муха, прожужжав, уселась на скатерть, словно собираясь присоединиться к трапезе.

– Продолжайте, – сухо приказал Шелепин, махнув салфеткой в сторону непрошенного гостя.

– В документах описаны опыты по передаче мыслей на расстоянии. Если рядом с испытуемым находился активированный артефакт, результаты резко ухудшались, – профессор говорил быстро, словно от этого зависела его жизнь.

– Насколько резко?

– Практически до нуля, – с готовностью уточнил Поляков, смахнув капли пота со лба. – Если артефакт был активирован!

– А иначе?

– Просто кусок гранита. Красивый, блестящий, с надписями, но по сути – обычный булыжник.

– И вы в этом уверены?

– Нет, – тотчас открестился от сказанного профессор. – Но так написано в их документах, – поспешил уточнить он.

– Тогда зачем вы его привезли? – делано удивился Шелепин, бросив быстрый взгляд на свой портфель, в котором лежал затребованный им артефакт.

Поляков неуверенно улыбнулся, словно заданный вопрос прозвучал как минимум неприлично, но и промолчать в ответ он не имел права.

– Потому что об этом попросили вы, – пояснил он, придыханием выделив последнее слово.

Шелепин улыбнулся и понимающе кивнул, подав сигнал, что оценил сказанное. Поляков прочитал иное – он угадал правильный ответ, значит, можно говорить свободнее, откровеннее. Или нельзя? Он улыбнулся в ответ, стараясь прочитать в глазах собеседника нужную реакцию. С такими людьми никогда не знаешь, что правильно, а о чём лучше молчать, как партизан на допросе. Вроде бы не сам он притащил этот артефакт из Москвы, но спрос с него, потому что именно он его исследовал. Зачем только этот кусок гранита вдруг понадобился всемогущему главе КГБ, если считается, что это не более чем мистика, а сам артефакт совершенно бесполезен?

– Как вы собираетесь его проверять? – набравшись смелости, задал неожиданный вопрос профессор.

Шелепин понял, интерес профессора стал выше сковыва-

ющего его страха. Подобные ему люди могли годами скрывать от начальства результаты экспериментов, но всё равно считали необходимым уточнить, кто именно попросил привезти странный камень. А затем, посчитав, что ухватили бога за бороду, кинуться в омут с головой, пытаясь использовать подвернувшийся шанс на пользу своим интересам. Настоящий учёный отличается от обычного тем, что постоянно просчитывает, что и в какой степени поможет его исследованиям, а не карьере. Шелепин, проявивший интерес к артефакту, это – финансирование, поддержка, люди, цель в жизни. При условии, что он правильно разыграет эту карту, случайно выпавшую из потрёпанной колоды судьбы.

Именно сейчас в голосе профессора появилось то самое любопытство, которое невозможно было спрятать. Не казённое, не обычное человеческое, а исследовательское. Так гончая, почуяв запах дичи, встаёт на след и гонит её, пока есть силы, под выстрел охотника. При этом каждый из сидящих за обеденным столом по-разному оценивал свою роль в этой охоте, но каждый надеялся остаться по итогу в выигрыше.

– Проверим, – с улыбкой пообещал Шелепин.

Уверенность в его голосе сбивала с толку, вызывала в душе профессора бурю страстей, потому что она означала – кто-то параллельно с ним занимался такой же темой и продвинулся гораздо дальше, раз уж у них есть база для проверки работоспособности артефакта. Официально продвинулся, раз уж об этом известно председателю КГБ.

– Как? – с ноткой возмущения вскрикнул профессор, на мгновение забыв, с кем разговаривает.

В голосе учёного звучало тщательно скрываемое любопытство исследователя, чувствовавшего, что артефакт был запрошен не просто так, не по капризу начальства, решившего придать вес своим действиям странным камнем. Нет тот человек председатель КГБ, чтобы заботиться о том, как он выглядит в чужих глазах. Это всем прочим нужно постоянно ему в рот заглядывать, чтобы предугадать его желания и соответствовать его ожиданиям. В кабинете Шелепин не захотел раскрывать секрета, возможно, опасаясь чужих ушей, но вдруг сейчас хотя бы приоткроет занавес тайны?

– Вам этого знать не положено, – всё с той же понимающей улыбкой ответил Шелепин.

Поляков сглотнул и замолчал, понимая, что невольно перешёл невидимую грань приличий, всегда существующую в подобных встречах. Шелепин, словно не заметивший дерзости учёного, спокойно взял вилку.

– Но, если вещь действительно работает так, как вы описываете, – добавил он, – я вам сообщу.

– Буду признателен, – с трудом вытолкнул слова Поляков. – Вы же понимаете, Александр Николаевич, как трудно работать со всем тем, что нам досталось от немцев? Документы есть, предметы есть, а повторить большую часть экспериментов невозможно. Тычемся в разные стороны, как слепые котята. Порой даже непонятно, для чего они этим занимались,

ведь совершенно пустое дело, не имеющее никакого смысла!

— Может быть немцы тоже не особо знали, что делают? — сделал попытку Шелепин сгладить жалобы на жизнь в голосе Полякова.

— Может быть, — вздохнул профессор. — А может и знали, — с неким вызовом в голосе добавил он.

Шелепин ничего не ответил, продолжая с аппетитом есть мясо, словно именно ради этого он и пришёл в ресторан. И тогда Поляков впервые понял, что разговор идёт совсем не о камне. Он сдёрнул очки с носа, протёр стёкла салфеткой и снова надел.

— Александр Николаевич...

— Да?

— Вы ведь понимаете, что именно они пытались исследовать?

— Нет. Поэтому и спрашиваю вас.

Ответ прозвучал непозволительно глупо и просто, словно не они несколько мгновений тому назад обсуждали, для чего создан данный артефакт. И в этой показной простоте звучал невысказанный вопрос. Поляков отвёл взгляд.

За окном проехала машина. Где-то в коридоре звякнула посуда. Кто-то прошёл мимо кабинета. Где-то в отдалении слышался разговор и приглушённый смех. За дверями кабинета кипела обычная жизнь, а здесь повисла странная, словно хрустальная тишина, которую можно было разрушить одним неосторожно сказанным словом и поранится.

Насмерть.

Обычный обед. Обычный ресторан. Обычная суббота. Только разговор был совсем не обычным. И собеседник не из числа тех, с кем часто встречаешься на улице, в лаборатории или в столовой. Очень необычный и опасный собеседник, расположенный к тебе так, как сытый лев к прижатой его тяжёлой лапой трепетной лани.

– Они пытались понять, можно ли установить связь между двумя людьми, – наконец произнёс Поляков.

– Телепатия? Чтение мыслей на расстоянии?

Профессор вздрогнул, хотя вопрос собеседника лежал строго в русле их предшествующего разговора. Просто само слово «телепатия» выпадало за рамки общеизвестного, общепринятого в научной среде, считалось крамоллой, признаком поклонения буржуазным веяниям.

– Можете называть как хотите, – тихо ответил Поляков, так и не принявший решения, как вести себя в этой странной беседе. – Суть от этого не меняется.

Он снова протёр очки, словно пытаясь придать им хрустальную прозрачность.

– Один человек видел картинку. Другой называл её. Иногда слово. Иногда несколько слов. Иногда... больше.

– Насколько больше? – вежливо уточнил Шелепин.

Поляков молчал. Он отвёл взгляд в сторону, покрутил головой, словно ворот рубашки стал ему тесен, пожевал губы, не решаясь говорить откровенно на столь скользкую тему.

Какая-то тайна тщательно пряталась им глубоко в сознании, тайна, способная возвысить знающего или прекратить его жизнь моментально, стань она известна ещё кому бы то ни было. Тайна рвалась на волю, ему хотелось её с кем-то обсудить, но страх последствий заставлял держать рот на замке.

– Говорите откровенно, Михаил Иванович, – снова улыбнулся Шелепин, моментально поняв причину затруднений учёного. – Можете считать, что получили индульгенцию на откровенность! Дальше нас с вами этот разговор не пойдёт, – пообещал он. – Думаю, вам есть, что мне рассказать, – пристально глядя в глаза Полякова, заявил он уверенно.

– Индульгенцию? – взгляд учёного стал сосредоточенным, он прищурился, словно оценивая сказанное столь могущественным человеком на достоверность. – Дальше нас с вами этот разговор не пойдёт? – на всякий случай уточнил он, всё ещё не решаясь говорить откровенно.

– Михаил Иванович, давайте отбросим в сторону ложную скромность и признаемся, в исследованиях учёных, работающих с подобными темами, есть многое, о чём они не решаются сказать официально, считая, что общественность воспримет их слова в штыки. И я прекрасно понимаю ваши чувства, профессор, но и вы меня поймите, дорогой вы мой человек, что сейчас мне важно, что именно вы исследовали и какие результаты получили. Не частично, не выборочно, а полностью, без купюр и исключений, – подчеркнул Шелепин.

Профессор внимательно слушал собеседника, пытаясь перебороть страх. Он потратил много времени и сил, работая с наследием Аненербе, но не всё доверял официальным отчётам и разговорам с коллегами, постоянно помня, что Богу, душе, мистике нет места в работе советского учёного материалиста. Но мысли и тайные дневники всегда были с ним, потому что интуиция тех самых отчаянных исследователей, пытающихся ухватить бога за бороду, просто поражала своим размахом. Он потратил много сил, чтобы неожиданные открытия не ушли из его лаборатории, остались тайной за семью печатями, потому что перспективы использования результатов его пугали даже больше, чем наказание за сокрытие тайны.

Страх стал его постоянным спутником. Он рос с каждым днём, сводя его с ума от понимания, что уже сокрытое тяжким грузом тянет на дно, стань это кому-то известным. Нужно было вовремя остановиться, но азарт исследователя заставлял идти дальше, достигать большего, искать пределы возможного. И вот теперь ему предлагают добровольно рассказать о том, что висит над ним дамокловым мечом столько лет и не имеет выхода. Старик замер, не решаясь сказать ни слова, не доверяя тому, кто одним движением пальца, наплевав на любые обещания, может отправить его в расстрельную камеру. Но он устал хранить эту тайну, чертовски устал.

– Михаил Иванович, у меня не так много времени, чтобы сидеть молча, – сухо прокомментировал молчание профес-

сора Шелепин. – Я своё слово сказал, жду от вас ответной откровенности! Поверьте, это важно! От вашего ответа зависит судьба многих людей, поэтому давайте отбросим сомнения и просто поговорим, – попросил он, слегка дёрнув губой от скрытого раздражения.

Поляков тяжело вздохнул, глядя в глаза Шелепина, будто заранее прося прощения за сказанное далее.

– Вы очень неприятный человек, Александр Николаевич, – желчно промолвил Поляков, не скрывая охватившего его раздражения. – Но мне это нравится, – признался он, широко улыбнувшись. – Вы не пытаетесь понравиться и это хорошо.

– Мне это часто говорят, – с улыбкой ответил Шелепин, заметив изменения в поведении профессора.

Учёный впервые улыбнулся в ответ совершенно искренне, словно приняв для себя окончательное решение и отбросив в сторону страх.

– Понимаете, Александр Николаевич, это крайне чувствительная область знаний, о которой не то, что говорить, а и думать запрещается, – проговорил Поляков и тотчас выставил перед собой раскрытую ладонь, останавливая Шелепина от возражений. – Я понимаю важность своих исследований, поэтому буду говорить без утайки, – пообещал он, сдёрнув с носа очки, и снова тщательно протёр салфеткой кристально чистые стёкла.

Он яростно тёр стёкла, словно надеясь вызвать трением души тех, кто стал его проводником в экспериментах над

людьми. Машина тайных знаний готова была обрушиться, открой он рот, и это пугало его ещё больше, чем сама тайна. Он запутался в своих чувствах, ему хотелось прямо сейчас оказаться как можно дальше от этого ресторана, чтобы никто не пытался задавать ему неудобные вопросы, но понимал, что Рубикон пройден и никто не позволит ему отмолчаться, когда на кону стоит нечто настолько важное, что это потребовало участия председателя КГБ.

В конце концов, он прожил долгую жизнь, он устал бояться и вздрагивать по ночам, опасаясь, что за ним придут и потребуют рассказать всё в подробностях, намекая, что дыба и раскалённые щипцы – не самое страшное в арсенале методов дознания. Почему бы не признаться прямо сейчас, опираясь на обещание индульгенции на все тайны? Хрупкая опора, но за неимением гербовой...

– Немцы описывают планы экспериментов по дистанционному управлению людьми. Это есть в их лабораторных журналах, есть в дневниках исследователей. Мы не знаем, насколько успешными были их исследования, этому нет подтверждения. Знаем, что для этого им приходилось тщательно отбирать людей, чтобы между ними могла установиться связь подобного рода. Естественно, что они первым делом уничтожили всех испытуемых, пустив в лаборатории газ, – поспешил добавить он, увидев на лице Шелепина интерес, – поэтому мы не смогли проверить их эксперименты на готовом материале.

– Но вам удалось повторить этот эксперимент? – прищурившись, спросил Шелепин.

Он уловил в голосе учёного некое колебание, когда человек сделал нечто важное, но при этом сомнительное или чрезвычайно опасное, поэтому старается умолчать об этом, опасаясь репрессий. Но сейчас для него есть возможность поговорить об этом открыто, раз уж к тому подталкивают обстоятельства. Да и человек, с которым он сидит за одним столом, и не к таким тайнам имел отношение. Если он спрашивает...

– Да, – коротко ответил учёный, как в прорубь прыгнув. – Я повторил этот эксперимент. И получил результат. Не совсем так, как это пытались делать немцы, но мне удалось установить связь между двумя испытуемыми. Они на сто процентов угадывали образы, которые видел другой реципиент, находящийся на расстоянии в несколько километров.

– Только образы? – уточнил Шелепин, понимая, что учёный по-прежнему что-то утаивает.

– Не только образы, – с трудом признался Поляков, всё ещё не решаясь говорить абсолютно открыто, – но и целые страницы текста, который один зачитывал, а другой в это же самое время записывал. При этом не обязательно было читать вслух, один смотрел на страницу книги или произвольного технического текста, а другой в это же время пытался его услышать и записывал всё, что приходило в голову. Результаты были просто потрясающие! Но я... но мне... види-

те ли, Александр Николаевич... я не решился обнародовать это открытие... мне показалось...

— И для этого вам понадобилось отбирать подобных кандидатов из тысяч? — отбросив в сторону лепет учёного, настойчиво спросил Шелепин. — Если так, то вы просто не смогли бы скрыть столь масштабный эксперимент! Вам пришлось бы подавать заявки на доставку людей в лабораторию, проводить их первичный отбор и тестирование, закладывать сотни экспериментов, пытаясь найти самые удачные образцы.

Шелепин говорил так, словно на практике делал нечто подобное или, как это бывает в их организации, курировал нечто подобное, когда испытуемыми были заключённые, приговорённые к расстрелу или пожизненному заключению без права переписки. Что с ними случилось в ходе тех экспериментов, никто не знает, потому что история не сохранила ни тех людей, ни их записей, ни сам исследуемый материал, как называли цинично людей, исследователи.

Когда речь идёт об оружии, вопросы морали отходят в сторону, потому что на кону стоит нечто, значительно более значимое, чем жизнь отдельно взятого человека, ради чего можно ей пожертвовать во благо миллионов других людей, даже не подозревающих о подобном вкладе в науку. И никакое лабораторное животное, сколь близко бы оно ни было к человеку, не даст исследователям достоверного результата, когда речь идёт о столь тонкой материи, как сознание.

– Не совсем так, Александр Николаевич, потому что... – он снова замолчал, словно цена правды казалась ему слишком высокой.

– Михаил Иванович, мне вас пытаться, что ли? – не выдержал Шелепин. – Сколько раз нужно повторить, что со мной вы можете быть совершенно откровенным? Что я должен ещё сказать или сделать, чтобы вы мне поверили? Хотите, напишу вам бумагу, освобождающую от любой ответственности? Мне нужен результат, а не ваши душевные страдания, Михаил Иванович!

– Услышал вас, Александр Николаевич, – сглотнув, ответил Поляков. – Но и вы меня поймите, столько лет я был вынужден держать всё это в тайне, опасаясь обструкции коллег или увольнения, а сейчас вы мне предлагаете рассказать всё, не боясь преследования, – он сглотнул, словно слова застряли в глотке, мешая говорить. – Если говорить кратко, совсем не обязательно подбирать пару, достаточно обработать их набором химикатов, расширяющих сознание, чтобы потом поймать и зафиксировать дозу, заставляющую их быть на одной волне. Химические процессы способны творить чудеса с мозгом. Некоторые вещества меняют состояние сознания. Если подобрать сочетание и дозировку, мозг становится... восприимчивее.

– К чему?

– К другому человеку... к чувствам другого человека... это что-то сродни эмпатии, но гораздо сильнее. Некоторые

алкалоиды...

– Вы поили их водкой? – удивился Шелепин. – Так просто?

– Не совсем так, Александр Николаевич, – скривился, словно от лимона Поляков. – Типичная ошибка непрофессионалов, путать алкалоиды и алкоголь, – пояснил он, несколько смутившись. – На самом деле это разные классы соединений с различной химической структурой, происхождением и механизмом действия. Алкоголь в малых дозах похож по действию на алкалоиды, поэтому и возникает подобная путаница, на самом деле алкалоиды это... в общем, это детали, не имеющие сейчас никакого значения, – хлопнув сухонькой ладошкой по столу, прервал он экскурс в органическую химию. – Главное, что есть способ получить пару, не разыскивая их среди тысяч кандидатов! Просто берём двух человек, которые нам нужны в дальнейшем, обрабатываем их набором химикатов и получаем практически идеальную пару, готовую к действию!

– То есть вы нашли верный набор и дозы химикатов? – уточнил Шелепин, подталкивая Михаила Ивановича к откровенности.

– Нашёл, точнее, прошёл по цепочке, описанной в документах немцев.

– Не проще ли было сразу взять конечный результат? – удивился Шелепин.

– К сожалению, нет, потому что не все препараты, кото-

рые они использовали, были у меня в доступе, – с явным сожалением в голосе пояснил учёный. – Пришлось подбирать подобное, ориентируясь на вызываемое ими состояние в сознании испытуемых.

– Испытуемые начали лучше распознавать образы? Увеличилась дистанция? – деловито уточнял Шелепин, словно прикидывая, как он сможет использовать это в практике работы спецслужб.

– Не только это, – признался Поляков. – Мой подопечный, находящийся в этот момент рядом со мной, вдруг заговорил по-немецки!

– Пленный?

– Нет, обычный сельский паренёк, угодивший в лагерь за то, что пытался вынести с мельницы зерно в сапогах. Не получивший образования, так что по-немецки он говорить не мог, но чётко, с баварским акцентом цитировал стихи Шиллера, совершенно не понимая смысла произносимых слов.

– А тот, кто читал эти самые стихи...

– Как раз был урождённым немцем, профессором литературы и искусства из Мюнхена, попавшим в плен под Москвой, – кивнул Поляков, ответив на незавершённый вопрос Шелепина. – Ни тот, ни другой после выхода из транса не вспомнили произошедшего, свидетелей не было, так как на стороне приёмника я был один, а то, что мысли немецкого профессора добрались до моего подопечного, не знал никто. Вы понимаете, Александр Николаевич, почему я умолчал об

этом?

– Химия и мистика, – предположил Шелепин.

– Совершенно верно, ни того ни другого в экспериментах над людьми быть не должно, потому что это противоречит теории материализма, – вздохнув, пояснил учёный. – Тем не менее мне это удалось! Они начали обмениваться мыслями напрямую! Один заставил другого говорить на незнакомом ему языке так, словно тот вырос в Германии, – с загоревшимися глазами рассказывал он Шелепину, словно почувствовав в том родственную душу.

– Извините, Михаил Иванович, но с практической точки зрения ваш эксперимент нам ничего не даёт, – вздохнул Шелепин, понимая, что вытянул пустышку. – Наш объект, которым нужно управлять, если мы такое задумаем, не будет пить эти ваши алкалоиды, чтобы подставить себя под внешнее управление! Это абсурд, не более, чем лабораторный эксперимент!

– Вы не учитываете важный фактор, Александр Николаевич, – профессор снова сдёрнул очки с носа и начал яростно протирать стёкла, словно старясь изменить их кривизну. – Препараты способны постепенно накапливаться в организме! Да-да, вы совершенно правильно подумали – можно подсовывать их жертве постепенно, день за днём, с каждой едой и выпитым бокалом жидкости. Ждать, когда доза достигнет критической, постоянно проверяя наличие канала, чтобы потом... – он замолчал, тщательно умостил очки

на носу и посмотрел прямо в глаза собеседнику, не закончив фразу.

– Постепенно, – покивал Шелепин. – Что ж, вполне допускаю что-то подобное, – согласился он. – А эти ваши препараты, насколько они доступны? Можно ли их купить в аптеке или найти в природе?

– Да, что-то есть даже в обычном кофе и чае, табаке, к слову сказать, но для подобного нужны сильнодействующие препараты, достаточно редкие для нашей страны. Мне пришлось пройти долгий путь, чтобы добиться нужной рецептуры, используя подручные средства, – пояснил учёный, умолчав, скольких испытуемых пришлось при этом похоронить.

– То есть что-то всегда есть под рукой? – уточнил Шелепин.

– Что-то есть, но плохо влияет на психику пациента, – упёрся профессор. – Для чистого результата нужен особый набор. Мне пришлось добывать его сложными путями, тщательно маскируя запросы, получая необходимое из разных источников. Пришлось идти по пути Эдисона, перебирая сотни вариантов, пытаясь нащупать нужный результат. Если для него ошибка выражалась в том, что спираль электрической лампочки попросту перегорала, в моём это была чья-то жизнь.

Шелепин усмехнулся, словно профессор рассказал ему сейчас какой-то смешной анекдот.

– Вы понимаете, что сейчас только что признались в про-

ведении запрещённых экспериментов на людях? – спросил он профессора, став неожиданно серьёзным.

Поляков побледнел, внезапно осознав, что сам добровольно попал в расставленную для него ловушку, и цена всем обещаниям Шелепина – грош в базарный день.

– Понимаю, – моментально вспотев, сипло прошептал профессор.

– И в сокрытии результатов, – добавил собеседник, словно зачитывая приговор.

– Понимаю, – согласился Поляков, на глазах теряя уверенность.

– И в использовании государственных ресурсов в собственных целях, – словно забивая гвозди в гроб профессорских надежд, продолжал уточнять Шелепин с иезуитской улыбкой на губах.

– Да.

– И в том, что ваши испытуемые...

– Я всё понимаю, Александр Николаевич.

Шелепин молчал.

– Хорошо.

Поляков посмотрел на собеседника с непониманием, он явно не ожидал такого ответа.

– Хорошо? – переспросил он.

– Я не собираюсь вас арестовывать.

Учёный смотрел на него, словно не верил собственным ушам. Предъявленные ему обвинения тянули не просто на

долгий срок в лагерях, а на расстрел, но его не собираются даже арестовывать? Неужто его эксперименты настолько понравились председателю КГБ, что он может быть вне закона и продолжать заниматься любимым делом, не опасаясь ничего?

– Пока вы мне полезны, – уточнил Шелепин.

Вот теперь профессор поверил. Ничего нового под Луной, кнут и пряник. Шелепин улыбнулся, подтверждая догадки Полякова. Будешь жить, пока это нужно лично мне, – говорила его улыбка, и старик поверил в это обещание безоговорочно. В старые времена можно было ради опасных знаний продать душу мифическому дьяволу, теперь у него появился вполне материальный заместитель.

– Расскажите подробнее, Михаил Иванович, как вы добились нужного результата, – приказал Шелепин тоном хозяина, отбросив в сторону прежнюю предупредительность и показное уважение.

Поляков снова снял очки, но не стал их протирать, просто положил на стол, словно плохим зрением отодвигал себя от противника.

– Обычная химия... менял пропорции... подбирал компоненты... делал анализ крови, чтобы понять степень насыщения препаратами... постоянные проверки контактности испытуемых... – перечислял он рутинные процедуры экспериментов. – Что-то работало в плюс, что-то убивало результат. Постепенно наработал рецептуру, методику, определил

сроки действия и силу контакта испытуемых.

– Управление получилось сделать стабильным? – перешёл на интересующую его тему Шелепин.

– Нет. Каждый раз это было спонтанно и... – профессор замялся, не решаясь продолжить. – Если говорить простыми словами, как только между испытуемыми возникал контакт на уровне управления, они практически сразу становились бесполезны для дальнейшей работы, – деликатно описал ситуацию Поляков.

– Даже так? Практически сразу – это сколько раз?

– Два, от силы три, – с трудом признался профессор. – Иногда их удавалось встряхнуть ударной дозой препарата, но это давало лишь краткосрочный эффект. Полный контакт вызывает необратимые процессы в сознании испытуемых!

– А если без химии?

– В смысле? Как же без химии? – искренне удивился профессор. – Чтобы два разных человека начали думать на одной волне, их нужно как-то настроить на эту волну, или очень долго искать подходящую пару. На мой взгляд, Александр Николаевич, без химии подобное сделать маловероятно.

– И тем не менее такое возможно, профессор. Заметьте, это не вопрос, а утверждение!

– Без препаратов? Управлять другими людьми? Вы такое видели?

Шелепин коротко кивнул.

– Полный контроль? – никак не мог поверить в сказанное профессор.

– Абсолютно полный. Человек под его воздействием пустил себе пулю в лоб, преодолев инстинкт самосохранения.

– Вы это видели лично?

– Да, видел, – неохотно признался Шелепин, понимая, что без этого не стоит ожидать от учёного ответной откровенности. – Про пулю в лоб знаю из свидетельств очевидцев, а вот про полный контроль могу заявить лично – видел и даже общался с тем, кто был на другом конце.

Поляков не решится хоть с кем-то поделиться этой информацией, – рассуждал Шелепин, раскрывая именно ему столь тщательно скрываемую тайну беседы с Кассандрой. Во-первых, собственно Кассандру он не упоминал, да и через кого именно шёл разговор, уточнять не собирался. Во-вторых, для учёных важно, что нечто невозможное для них было кем-то реализовано и тому есть доказательства, тогда они жилы будут рвать, пытаясь найти способ повторить успех другого исследователя. Если что-то возможно, значит, это можно повторить! А вот невозможное – это путь бесконечных и безрезультатных исканий, зачастую путь в никуда, на который учёные тратят здоровье и годы жизни.

Но самое главное, сейчас старик подставился так, что в любой момент может исчезнуть из истории без суда и следствия. Соккрытие столь важных результатов эксперимента по установлению мысленной связи между людьми на огромных

расстояниях само по себе есть расстрельный приговор. А он ведь для этого тратил государственные деньги и материалы, включая испытуемых, выдаваемых ему из расстрельных камер по запросу. Так что болтать старик не будет, а вот интерес в нём горит нешуточный, работать станет на голом энтузиазме.

Поляков упёрся взглядом в белоснежную скатерть, рефлекторно скатывая из хлебного мякиша шарики и бросая их в тарелку. Да, у него тоже был такой опыт, но мимолётный, ни разу больше не повторившийся, но был ведь! А сейчас человек, словам которого он не может не доверять, заявляет, что сам был тому свидетелем. Значит, кто-то смог получить устойчивый, хорошо работающий вариант управления, позволяющий полностью лишить цель права управлять собой. Если вспомнить тот эксперимент и попытаться его воспроизвести повторно... или найти человека, владеющего этой техникой... но это невозможно... или возможно?

– И вы знаете этого человека? Я могу с ним пообщаться? Вы позволите мне его исследовать у себя в лаборатории? Поймите, это уникальная личность, изучив которую, мы получим шанс на огромный прорыв в познании возможностей человека! Я буду нем, как рыба, только дайте возможность поработать с этим человеком!

Глаза профессора загорелись каким-то адским огнём, он впился ногтями в скатерть, словно собирался немедленно ринуться навстречу новым знаниям, сметая всё на своём пу-

ти.

– Нет, нет и ещё раз нет, Михаил Иванович, – помотал отрицательно головой Шелепин. – Мы сами его усиленно ищем, – признался он.

– А когда найдёте? – разочарование профессора звучало в каждом слове, но он продолжал таить надежду, что не всё ещё потеряно.

– Тогда вы мне и понадобится, – пообещал собеседник. – Нам, точнее, мне понадобятся все ваши знания по этому вопросу, чтобы взять под жёсткий контроль этого человека, когда мы получим к нему доступ. Теперь вы понимаете важность этого артефакта для нас в данный момент?

– Да... несомненно... спасибо... сделаю всё, от меня зависящее... буду премного благодарен...

Профессор уже витал в облаках, прикидывая, что полезного можно извлечь, когда человека с такими способностями доставят в его лабораторию. Как именно держать его под контролем? Препараты, подавляющие волю, в повышенных дозах, чтобы не мог связно думать, а потом капельница, задание, результат и снова в грёзы. Он должен понять механизм, освоить его, самому стать эталоном, чтобы...

– Профессор, вы со мной? – с усмешкой осведомился Шелепин, заметив, как поплыл взгляд учёного. – Пока что у нас нет никого и ничего. Мы всего лишь пытаемся защититься от внешних воздействий, обезопасить себя, чтобы не попасться ему на крючок. Поэтому пока задержитесь в городе, ваша

помощь может потребоваться в любую минуту! Место в гостинице вам выделяют, – пообещал он.

– Место? – не сразу понял, о чём говорит собеседник, спросил Поляков. – Зачем мне место?

– Михаил Иванович, операция может продлиться несколько дней, нужно ведь вам где-то жить всё это время, – усмехнулся Шелепин, понимая, что учёный с головой ушёл в обдумывание будущих экспериментов. – Вам выделяют место в гостинице, обеспечат талонами на питание, приставят охрану, чтобы с вами ничего не случилось!

– Охрану? Ах, да, охрану, – моргнув, осознал он смысл услышанного. – Да-да, охрана – это важно, – согласился он, думая совершенно о другом.

Не напрасно ли он был столь откровенен со столь опасным человеком? Говорить он может всё, что угодно, должность ему позволяет и не такие откровения, а вот смириться с тем, что кто-то знает его секреты, не сможет. Отсюда и охрана, которая по щелчку пальцев устранил опасного свидетеля, а пока для видимости будет якобы охранять его от всякого рода хулиганов. Здесь в городе живёт человек, способный убить на расстоянии! Как ему может помешать охрана?

– А сейчас, профессор, давайте выключим артефакт и вы мне покажете, как именно его активировать, чтобы я мог это делать самостоятельно, – предложил Шелепин и вытащил артефакт из портфеля.

Серый камень лёг на белую скатерть почти буднично.

– Покажите, как им пользоваться.

Поляков оживился. Это была его стихия. Он объяснил последовательность символов. Показал, как активировать блокиратор, как отключить, как пользоваться футляром. Шелепин всё записал.

– А как определить, что он работает?

– Никак.

– Совсем?

Поляков пожал плечами.

– Ни света, ни звука, ни тепла. Он просто... работает.

– Удобно.

– Немцы утверждают, что активированный артефакт полностью блокирует внешнее воздействие.

– А футляр?

– Экранирует его.

– То есть?

– В футляре он не действует. Вы можете держать его активированным достаточно долго, а потом просто раскрыть футляр.

– Долго? Он разряжается? Насколько долго? Что ему нужно для зарядки? Надеюсь, не жертвоприношение? – улыбнулся Шелепин каким-то своим мыслям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.